

БАНДИТ

Юлия Латынина

Сазан

Юлия Латынина

Бандит

«ЭКСМО»

1996

Латынина Ю. Л.

Бандит / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 1996 — (Сазан)

Они выстроили на подмосковных дорогах красные кирпичные дома, архитектурой напоминавшие средневековые замки. Они устроили в бетонных гаражах ямы для раздевания автомобилей и места для пыток и вместо колоколов поставили на верхушки башен гнезда для пулеметов. Ничто не могло сравниться с их смелостью, разве что кроме их жадности и иногда невежества; сначала они извлекали деньги из собственной жестокости, а потом – из анархии, в которой утонула страна. Они имели власть грабить самим и запрещать грабить всем прочим, и вскоре Сазан с полным правом получил свой феодальный лен в отдельном московском районе. P.S. Бывший псевдоним Юлии Латыниной (Евгений Климович).

© Латынина Ю. Л., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Латынина

Бандит

Глава 1

Поздней весной 1990 года к остановке «Поликлиника № 10», расположенной на Садовом кольце, подкатил, шипя и фыркая, желтый автобус, украшенный рекламой страхового общества «Госстрах». Из автобуса высадились несколько женщин в цветастых платьях, представительный мужик с дипломатом. Последним вышел небритый угловатый парень с драным армейским рюкзаком за спиной. На нем были длинные мешковатые штаны и роба. Несмотря на теплую погоду, он старательно натягивал на уши кепку. Вероятно, стеснялся своей бритой головы, выдававшей в нем недавнего лагерника.

Парень постоял немного на остановке, оглядываясь и как бы удивляясь, хотел было зайти в булочную близ арки, но, открыв тяжелую дверь, обнаружил, что хлеб здесь не продают, внутри магазина тянутся плотные белые полки, со всех сторон уставленные сверкающими паке-тами и пакетиками.

Парень сделал шаг назад и нечаянно толкнул большого, крупного человека в белых штанах и белом же пиджаке, только что высадившегося из низкого заграничного автомобиля и входившего в бывшую булочную.

– Из-вини, – нервно сказал парень.

Белый человек ничего не ответил.

Парень подхватил рюкзачок и нырнул под арку. Две-три подворотни вывели его на тихую московскую улицу. Он решительно пересек проезжую часть, опять свернул во двор и стал подниматься по лестнице. Несмотря на то, что лестница была расположена в старом, дореволюционной постройки доме, она была крутая и узкая, с заляпанными зеленой краской перилами и стенами, украшенными разнообразной по степени приличия графикой.

Парень поднялся на третий этаж и надавил на кнопку звонка. Никто не открывал. Парень позвонил еще и еще раз. Потом постучал. – Ну, кто там хулиганит? – раздался трескучий старческий голос.

– Валерий.

– Какой такой Валерий?

– Нестеренко Валерий.

Дверь отворилась, и на пороге возник сухонький старичок в неопределенного цвета халате, на который была накинута ярко-красная, как знамя Октябрьской революции, кофта. Белые волосы старичка торчали во все стороны, и в неровной бородке застряли остатки употребленной на завтрак яичницы.

– Явился? – прошипел старичок.

– Явился, – сказал Валерий.

– Мамка дома?

– Померла твоя мамка, – сказал старичок, – месяц назад померла, антифризу, говорят, выпила... У, стерва, чуть весь дом не спалила!

– А бабка где?

– А бабка на диване лежит, – сказал старичок, – вон она. Клавдия ей из магазина кефир носит, а то померла бы твоя бабка. Тоже ее ожгло.

– Чем? Антифризом? – Да не, твоя мамка-то, напившись, кипятильник включила вместо обогревателя, а кипятильник на подушке лежал.

Валерий молча направился в глубь коридора.

– Ты хоть сапожищи-то сними, сволочь лагерная, – заорал вслед ему старичок, – выселять вас будем, выселять, гадов таких!

Валера открыл дверь комнаты. Она действительно носила следы недавнего, хотя и не очень сильного пожара: одна стена закоптилась и подгорела, а с потолка свисали похожие на тропические лианы ошметки черных обоев и проводов. Мебели в комнате за два года поубавилось: всего-то и осталось, что черный продавленный диван да большой горшок с пережившим пожар кактусом. На правах мебели в комнате стояли три старых ящика из-под капусты, каждый из которых мог служить либо столом, либо стулом.

На диване сидела усохшая, низенькая старуха. Видимо, услышав голоса в коридоре, она попыталась подняться.

– Валера, – сказала старушка, – а Машеньки больше нет.

– Знаю, – сказал Валера.

Он осторожно уселся на один из ящиков, раздернул рюкзак и вынул оттуда буханку черного хлеба, а затем шматок сала и несколько давленных яиц, купленных, видимо, в каком-то пристанционном буфете. Затем Валерий вынул звякнувшую о застёжку бутылку кефира, достал длинный, с наборной рукояткой нож и стал резать этим ножом хлеб.

– Ты сам-то как? – осторожно спросила бабка.

– Что как? Живой, нетраханый, – чего еще для счастья надо?

– Поумнел хоть?

– Поумнел, баба, так поумнел, что теперь вот разумнеть хочу.

И Валера отправил в рот громадный кусок хлеба и сала.

– Мне никто не звонил?

– Нет.

– И никто не спрашивал, когда выйдет, мол, какие дела?

– Нет.

– Ладно, – сказал Валера, поднимаясь, – пойду сам звякну.

Телефон стоял в прихожей на старой, покрытой зеленым сукном тумбочке. На звук шагов дверь напротив телефона раскрылась, и из нее высунулась толстая растрепанная женщина преклонных лет в выцветшем байковом халате, расписанном маргаритками величиной с капустный кочан. В вырезе халата болтался камешек на дешевой цепочке.

– Валера, – сказала она, показывая глазами в сторону общей кухни, где стучал посудой давешний старичок, – ты на папу-то не сердчай, рак у папы в мозгу, понимаешь, рак...

– Чего мне на него сердчать, – сказал Валера, – он не прокурор.

Валера звонил долго и безуспешно: в одном месте никого не было, в другом все было занято; однажды ответили ему, что такой больше не проживает, потому как в прокуратуре ему выписали творческую командировку на сибирские лесоповалы, сроком аж на десять лет. Наконец с четвертой попытки Валерий узнал какой-то телефон, там ему дали еще один номер, по которому ему в конце концов удалось найти нужного человека.

– Сашу можно?

– Какого Сашу? – Шакурова.

– Шакуров слушает, – сказал вежливый голос в трубке.

– Это Валерий.

– Какой Валерий? – Сазан.

– Валька, ты! – раздался в трубке взрыв наигранного энтузиазма.

– А мы не ждали... Тебя что же, раньше выпустили?

– Не. От звонка до звонка.

– Валька, да ты знаешь, как я рад! Ты давно приехал?

– Только что.

– Время у тебя есть? Хочешь встретимся? Пожрем...

– Давай.

– Помнишь пельменную на углу Малаховки? Вот туда двигай. К семи. Заметано?

– Да.

– А сейчас извини, – черт, у меня тут дела. До семи. Пока.

И в трубке раздались короткие частые гудки.

Весь день Валерий бродил по городу. Деньги у него были, хотя и небольшие, – по пути он подкалымил недельку фузчиком в Архангельске; на Тишинской барахолке Валерий отоварился кожаной турецкой курткой и там же купил бабке килограмм апельсинов. В ларьке, неподалеку от дома, приобрел пузатую бутылку коньяку «Наполеон», показавшуюся ему необыкновенно дешевой.

Без пяти семь Валерий, в черной кожаной куртке и старых джинсах, извлеченных из встроенного шкафа и ничуть не обгоревших, подошел к бывшей пельменной и замер.

Пельменной не было. Старые, заляпанные окна общепитовского сооружения пропали. Вместо них на ослепительном заходящем солнце сверкали черные тонированные стекла, сиганувшие будто в московскую блеклую весну прямо с американского небоскреба. Пропал расстрескавшийся асфальт у входа в подвал и жестяной навес, вместо навеса – козырек с надписью «Соловей», лихо заломленный к небу.

Валера спустился вниз. Вход в подвал был обит красивым черным дерматином и пах свежим струганым деревом, хорошей пищей и женскими духами. Валера надавил на кнопку заграничного, вмонтированного в систему наблюдения звонка. – Тебе что, парень? – сказал отворивший дверь вышибала. – Сашку Шакурова. – Не приходил еще. Жди.

И дверь с лязгом захлопнулась. Валера поднялся по ступеням и, сгорбив плечи, пошел прочь.

– Сазан!

Валерий оглянулся. У тротуара тормозила белая «Волга»-пикап. Водитель остановил машину и распахнул дверь.

– Сашка!

– Сазанчик! Друзья обнялись.

– Ишь ты какой стал, – проговорил Сашка, первым высвобождаясь из объятий друга, – здоровый, как бык, чуть ребра не переломал.

Валера молча смотрел на своего приятеля. Тот был одет совсем не так, как он. Никаких турецких курток и кроссовок: на Шакурове изящно сидел светлый однобортный костюм, неброский, цвета выцветшей брусники галстук оттенял белизну рубашки. Больше всего Валерия поразила именно эта рубашка: она была ослепительно белой, как кафель в операционной, и, несмотря на конец дня, от нее пахло свежестью и одеколоном. Переменил ее, что ли, Шакуров на работе?

Шакуров между тем, освободившись от объятий приятеля, снова нырнул в машину. Он тщательно проверил все дверцы, покрутил и запер руль, и, извлекши из-под ног длинное железное коромысло, укрепил его на руле. Затем обошел машину кругом, удостоверяясь, что все стекла подняты и замки заперты, и напоследок провел черным брелоком по белому квадратику, прилепленному к окну изнутри. Наверху квадрата загорелся красный глазок.

– Вишь, какая охрана, – не удержался Шакуров.

– Вижу, – сказал Валерий, – хочешь, я в твою тачку за две минуты влезу?

Шакуров как-то понуро передернулся, но потом подхватил «дипломат» и махнул рукой:

– Пошли!

Как ни разительны были изменения, происшедшие снаружи, изнутри забегаловка изменилась еще сильнее.

Исчезли пластмассовые столики и вечно заляпанный пол, стены бывшей пельменной до половины были отделаны дорогим деревом, с потолка на длинных ножках свисали бронзовые фигурные фонари, а на белых скатертях красовались маленькие вазочки с цветами.

В глубине зала, на небольшом помосте, танцевала девица.

Официант, выгнувшись морским коньком, принял у Шакурова заказ. Черный галстук-бабочка на белой груди официанта напоминал муху в молоке.

Девица на сцене сняла с себя лифчик и стала крутить грудями, то одной, то другой, в разные стороны.

Валерий, не видевший девок почти два года (правда, в Архангельске он трахнулся с портовой шалавой), раскрыл рот и уставился на девицу. Официант принес заказ.

– Ну, за возвращение! – сказал Шакуров, поднимая высокую хрустальную рюмку.

Валерий, не сводя глаз с девицы, заглотнул спиртное.

Шакуров между тем аккуратно двумя лопаточками положил себе салата и стал есть мясо, аккуратно отрезая маленькие кусочки. Отрежет кусочек, обмакнет его в подливу, постарается, чтобы в подливе была долька гриба, и проглотит. Отправит в рот слезящийся, словно из зеленого агата, соленый огурчик и опять режет кусочек...

Девица на сцене стащила с себя трусики и теперь крутила и грудями и попкой.

– Валера, – сказал Шакуров, – еще разок, а?

Валерий опомнился, выпил стопку и набросился на еду. Глядя на него, Шакуров поморщился: парень, видно, забыл, что сидит в приличном ресторане, трескает все, как лагерную баланду после смены. Куски хлеба запихивает в рот вперемешку с мясом и подливой.

Наевшись, Нестеренко икнул, вытер губы рукой и заметил:

– Ты, я гляжу, неплохо живешь.

– Неплохо, – сказал Шакуров.

– Компьютеры продаем. Расширяться думаем.

– На какие шиши?

– Да шиши-то немереные, – похвастался Шакуров, – директора толпами ходят, не знают, чем деньги отоварить. Я вчера одному три штуки впарил. Десять тыщ пишет, пять нам отстегивает, пять делит пополам...

– Много налогов платите?

– А у меня райком комсомола в соучредителях. Налоговые льготы.

– А-а. – Пойдешь ко мне?

– Нет. – Ну, как знаешь.

– У тебя башли есть? – А тебе сколько надо?

– Штук пятьдесят. Баксов.

Шакуров даже изменился в лице.

– Ты шутишь? На что тебе пятьдесят тысяч?

– Дело хочу открыть. – Какое?

– Да вот, ходил сегодня по Москве, мороженого хотел пожрать, мало мороженого-то. А скоро лето.

– Валерий помолчал и добавил:

– Я когда в Архангельске в порту калымил, видел такую штуку: грузовичок, а прямо в нем мороженица. Ну, и оборудование для производства. Английское. Грузины для себя покупали. Я с человеком от фирмы поговорил, – нет проблем, говорит, – у нас в Москве есть этот... как его, черта рыжего – дистрибьютор. Гоните баксы и берите оборудование.

Шакуров молчал.

– У меня и команда есть, – сказал Валерий, – даже бухгалтер.

– Где это ты с бухгалтерами познакомился?

– А он сидел со мной. На два месяца раньше вышел. Сейчас его никуда из-за этого не берут, а мужик он ничего.

– Прямо так, – сказал Шакуров.

– Вчера в зоне, а сегодня директор фирмы. А у меня работать не хочешь?

– Я же сказал.

– Слушай, Сазан, у тебя ж отличные руки. Хочешь, в автосервис устрою? Шубкина помнишь, Шубку? У него теперь мастерская, он тебя сразу возьмет. Полгодика поработаешь попростому, а там, гляди, расширится, выделит тебе пай...

– А он машины только ремонтирует или раздевает тоже?

– Ну это уж я не знаю.

– А я знаю. Шубку знаю.

– Ну как хочешь...

– Ты мне можешь деньги ссудить? Осенью отдам. Сколько скажешь, столько и отдам.

– Валера, да ты пойми, нет у меня таких денег! У меня каждая копейка в дело идет, у меня...

Валерий поднялся.

– На нет и суда нет. Бывай.

И Валерий направился к выходу.

– Валера, да стой ты!

Валерий повернулся.

– Ах да. Заплатить я забыл. Вот. Тут хватит.

И на стол легли две бумажки.

Валерий молча вышел из ресторана и зашагал по темной улице. Двое или трое скучавших близ козырька парней расступились, пропуская его.

Прошло немного времени, сзади хлопнула дверь: это выскочил из подвального Шакуров.

– Валера! – закричал Шакуров.

Но Валерий был уже за углом.

– Валера!

И вдруг крик Шакурова прервался, вместо этого он завизжал, тоненько так, нехорошо.

Валерий повернулся и побежал обратно.

Те трое парней, которые скучали у лестницы и пропустили Валеру, сомкнулись тесной кучкой вокруг Шакурова. Двое держали его за руки, третий, сладострастно похрюкивая, заносил кулак с блеснувшим кастетом и что-то вежливо, нежно толковал Шакурову.

Не добежав двух метров до человека со свинчаткой, Валерий подпрыгнул в воздух, и правая нога, в развороте, въехала парню в ухо. Тот ойкнул, пролетел с метр и врезался в стоявшего у стенки товарища, оба они свалились на мягкую землю. Валерий докрутил поворот до конца и тут же, на излете, костяшки его пальцев соприкоснулись с челюстью третьего парня, продолжавшего держать Шакурова. – Р-распишитесь в получении, – сказал Валерий.

Во рту парня что-то хрустнуло, словно он надкусил лампочку от электрического фонарика. Парень выпустил Шакурова и со всей силы двинул Валерию по морде. Валерий оскалится, его следующий удар и кулак противника попали в цель одновременно. Парень хотел было согнуться, но тут лицо его повстречалось с вовремя поставленным коленом Валерия. Потом парень ударился затылком о стену, сполз в осенние листья и затих.

Валерий обернулся. Те два парня, что налетели друг на друга, наконец распутались и вскочили на ноги. Один протянул вперед руку. Щелкнула кнопка, и свет ресторанной вывески заплескал на тонком лезвии.

– Сейчас порежу, – зашипел бандит, бочком двигаясь на Валерия.

Тот ухмыльнулся и в следующее мгновение выбросил в руку спрятанный в рукаве нож. Глаза нападавших в ужасе расширились. Это было не какое-то легкое перышко. Это был тяже-

лый десантный нож, шириной сантиметра два, а длиной – достаточной, чтобы проткнуть худого человека насквозь. Клеймо воровских традиций лежало на нем так же ясно, как печать в техническом паспорте.

– Смываемся, – сказал парень, бледнея.

Оба злоумышленника повернулись и дунули вверх по улице. Третий остался сидеть на грядке.

Валерий спрятал нож и обернулся. Шакуров так и стоял, запрокинув голову, у стены.

– Тебя довезти или сам доедешь? – спросил Валерий.

– Доеду, – слабо отвечал Шакуров, – а впрочем, они, кажется, взяли ключи...

Валерий нагнулся и поднял брелок с ключами, валявшийся в ливне у ног Шакурова.

– Садись.

Шакуров молча плюхнулся на сиденье для пассажира.

– Тебя куда везти-то? – спросил Валерий, трогаясь с места и чуть не поддав носом одинокое дерево у тротуара.

– Ты что последний раз водил?

– Бронетранспортер.

– Это заметно, – слабо пробормотал Шакуров, но попытки отобрать у приятеля руль не сделал.

Они проехали два или три квартала, и Шакуров стал понемногу приходить в себя.

– Веселое это дело – торговать компьютерами, – заметил Валерий.

– За что они тебя? Кинул, что ли, кого?

– Не, – сказал Шакуров, – с хмырем одним рынка не поделили. Не думал, что так круто...

Валерий резко завернул за угол.

– Слушай, я и не знал, что ты так дерешься. А? Я тебе два куса дам в месяц! Днем за рулем, вечером в ресторане?

– Мне и без тебя есть у кого вышибалой работать.

Шакуров помолчал, а потом спросил:

– А что это за нож у тебя? Откуда?

– В лагере делают. Один человек подарил.

– Какой человек?

– Какой подарок, такой и человек.

Наконец машина затормозила у дома Шакурова. Раньше он жил в другом месте, впрочем, тоже неподалеку, – то ли съехался, то ли купил. Валерий высадил друга из машины и отдал ему ключи. Только тут тот проявил некоторую активность – запер машину, подергал за ручки, проверил даже ба-гажник, хотя багажник никто не отпирал, и, наконец, поставил машину на охрану. Кодовый замок в подъезде бездействовал – дверь стояла мотней наружу, и сквозь ширинку смутно виднелись утопающая в темноте шахта лифта и куча оставшихся от ремонта досок под лестницей. Лампочка в подъезде не горела – два или три хилых луча падали откуда-то с клетки третьего этажа.

Валерий молча вглядывался в темноту. За досками что-то шевелилось. Валерий шагнул вперед, заслоняя рукой приятеля, но тут из-под лестницы вылезла полосатая бездомная кошка, поджавшись, шмыгнула мимо людей и почесала к мусорному бачку.

Валерий доставил друга в лифте на пятый этаж и сказал:

– Я пошел.

– Куда ты? Зайди, с женой познакомлю. Переночуешь у нас, тебе ведь и ночевать негде, с бабкой и матерью...

– Шакуров, видимо, не знал, что мать Валерия уже умерла.

– А у меня комната для гостей.

– Нет, Саша, спасибо. Я доставил тебя по назначению, убедился, что в подъезде никто не караулит, что при хате тоже нет субъекта с кирпичом на изготовку... Бывай. Мы с тобой поговорили надолго.

– Валера! Валера! Погоди!

Шакуров сбежал вниз по лестнице и догнал друга на площадке.

– У меня действительно нет этих денег. Понимаешь? Нету! Даже если бы я вытащил их из фирмы, меня бы самого выкинули за окошко! Но я найду человека, который даст их тебе.

– Честного человека. – Сазан! Я действительно найду! Землю буду рыть!

– До свиданья, Саша.

Шакуров некоторое время смотрел в темноту, слыша, как затихают внизу шаги приятеля, а потом решительно поднялся на площадку и надавил на кнопку звонка.

На следующее утро Валерий оделся в свою новую кожаную куртку, в старые штаны и кроссовки и вышел из дома. Наряд тот не очень соответствовал имиджу преуспевающего бизнесмена, будущего директора фирмы, и больше всего портил этот имидж громадный фингал под глазом. Но Валерий никогда не встречался с крупными руководителями фирм и об этом несоответствии был совершенно не осведомлен. Но о синяке он помнил прекрасно. Именно по этой причине он решил не спешить заявиться в участок, где ему надо было отметиться по прибытии на место жительства. Еще пристанут.

Валерий поплутал по темным дворам, прошел задами школы, в которую когда-то они ходили вместе с Сашком, и спустился, с черного хода, в магазин «Продукты». Года два или три его мать работала продавщицей в этом магазине. Впрочем, она во многих местах работала то продавщицей, то буфетчицей. Мать брала маленького сына с собой, и Валерий помнил усатых тараканов среди колбасы и то, как мамка приносила в буфет батоны хлеба, чтобы продать побольше левых бутербродов. Она учила его разбавлять сметану кефиром и сок водой. Однажды в буфете перекрыли воду, и сок пришлось разбавлять водой из бачка унитаза.

Магазин не изменился. Никаких не завелось в нем валютки или парфюмерных углов, все так же в раскрытую дверь подсобки можно было увидеть уголок торгового зала, где на полке кусок древней брынзы, а у кассового аппарата, загородившись счетами, отдыхала кассирша.

Первой его узнала продавщица Люба.

– Валерочка, – сказала она, – посмотрите, девочки, кто к нам пришел!

Две или три старые продавщицы, помнившие Машку-пьяницу, окружили Валерия.

– Валерочка, – нежно продолжала Люба, прижимая его к необъятной груди, кокетливо забранной грязным льняным фартучком, – я ведь тебя вот таким еще помнила, – и Люба показала пальцами, каким маленьким он был. – А теперь, – продолжала она, – у тебя, пожалуй, мужское достоинство и то побольше, а? Продавщицы хихикнули.

– А ну, Валерочка, покажи, какой у тебя птенчик вырос, – как влюбленная, ворковала Люба.

Валерий мягко высвободился из ее объятий, уперев Любу в необъятную пирамиду из коробок с голландским маслом.

– Позже, Любочка, покажу, – сказал он, подмигивая, – за нами не пропадет, а кто сейчас магазином заведует? Не Павел Иваныч? – Как заведовал, так и заведует, – вмешались в разговор продавщицы.

– Ни одна ревизия не берет его, кота старого.

Валерий решительно прошел по коридору, ткнул в белую, облупившуюся дверь и оказался в комнатке, служившей кабинетом заведующему магазином Павлу Ивановичу Лазуткину, по прозвищу Кот, полученному им то ли за свою крайнюю осторожность в финансовых операциях, то ли за свою любвеобильность, ибо было известно, что редкую из своих продавщиц он не трахал прямо в подсобке, на ящиках с маргарином или мешках с мукой.

Павел Иванович разговаривал по телефону, делая какие-то пометки в лежащей перед ним общей тетрадке, и глаза его при виде Валерия радостно округлились. Он сделал знак Валерию, приглашая присесть. Тот сел.

– Ну, – сказал Павел Иванович, бросив трубку, – зачем пожаловал, орел? Чем можем помочь? Продавцы нужны, грузчики тоже...

– Фирму я завести задумал, – сказал Валерий.

– Чего?!

– Фирму. Торговать мороженым будем.

– Ну, а я тут при чем?

– А помещение мне нужно, чтобы мороженицу поставить? А у вас, я помню, левый подвал всегда был пустой. Опять же – сахар нужен, молоко, сливки... может, познакомите, где покупать, поделимся...

– А бабки у тебя-есть?

– Бабок нет. Но будут.

– Откуда?

– Было бы желание, а бабки найдутся.

Павел Иванович с сомнением поглядел на молодого парня в кожаной куртке и с бритой головой, развалившегося перед ним на старом покалеченном стуле. Особенно испытующе задержался его взгляд на огромном фингал под глазом.

– А давно ты вышел? – спросил Павел Иванович.

– Вчера в Москву подвалил.

– Долго ж ты сидел?

– От звонка до звонка. Полтора года.

– Чего раньше не выпустили?

– Зона такая попалась. Одна отрицаловка. Не за что было нас выпускать. На нас ОМОН упражнялся. Отрабатывал приемы уж не знаю для чего, демонстрации, что ли, давить.

Павел Иванович подумал. Конечно, он сразу мог бы выгнать этого сумасшедшего парня, который вот так просто вперся в его подсобку, сам без денег, вчера от хозяина и требует отдать ему производственную площадь в центре Москвы. Но что-то останавливало старого Кота. И этим что-то был фонарь под глазом.

– А откуда фингал? – спросил Павел Иванович.

– Подрался вчера.

– С кем?

– Да так. За кореша заступился.

– А за что его били?

– А я не спрашиваю, за что моих корешей бьют.

– И сколько же их было?

Валера растопырил три пальца.

– И со всеми справился?

– Значит, справился. – Это где ж ты так насобачился? – поразился Павел Иванович, а потом вспомнил сам: – Ах да, Машка говорила, ты же из ограниченного контингента...

И с уважением поглядел на парня, цепко отмечая широкие плечи, крепкие, даже в зоне не пропавшие буфы мускулов и плоский, как бетонная шпала, живот.

– Кирпич можешь разбить? – с любопытством спросил заведующий.

– Могу, – лениво подтвердил Валерий, – хотите, я вам эту стенку разобью? Головой?

– Э-э, стенку не надо, – испугался Павел Иванович, – эту стенку я и сам могу разбить, просто чудо, что она пять лет назад не обвалилась!

– Так что, Павел Иванович, отдадите мне левый подвал?

– Будут деньги, будет и подвал. Нет денег – нет и подвала.

– Заметано, – сказал Валерий, поднимаясь.

Он уже шел к выходу, когда Павел Иванович окликнул его:

– Эй, Валерка, погоди.

Заведующий магазином протягивал ему пакет, видимо отложенный для кого-то: несколько банок тресковой печени, два сырка «виола» и бутылка водки.

– На, возьми, мамке передай. А то не захаживает к нам мамка-то.

– Нету больше мамки, Павел Иваныч. Отравилась она месяц назад.

Руки заведующего растерянно опустились.

– Отравилась? Вот те раз... Рядом живем... А я думал, она опять с этим... носатым...

Ну все равно возьми. На поминки.

И решительно сунул в руки Валерия пакет.

Остаток утра Валерий употребил на то, чтобы навестить двух братьев-близняшек, Севу и Гену, живших в соседнем доме. Один из братьев слесарил на заводе, а зарплату ему не платили уже третий месяц. Другой, Генка, работал шофером; с деньгами у него было более или менее в порядке, – то сдерет лишнее, то подкальмит, однако Генка был человеком слабым и каким-то вялым, как забытый в холодильнике пучок салата, и на автобазе у Генки из-за этого начались всякие неприятности; ему норовили подсунуть машину похуже, безобразничали в путевом листе и только вчера открутили им самим поставленный новый воздушный фильтр.

Сева с Генкой сказали, что они не прочь продавать мороженое. Вместе с Валерием они уговорили бутылку, подаренную заведующим, и добавили к ней еще одну. Впрочем, Валерий пил мало.

День складывался удачно, весьма удачно. Выйдя на улицу, Валера сунулся было в автомат – позвонить, но автомат не работал, другой тоже.

Валерий подумал, что умнее всего будет вернуться домой и позвонить оттуда, благо до дома – две подворотни.

Валера нырнул под арку, пробежал мимо обширной помойки и вступил в чахлый скверик, где трое юных граждан Страны Советов возводили в песочнице какой-то важный народно-хозяйственный объект. Валерий пересек сквер и ступил на солнечную сторону улицы. Однако не успела кроссовка его коснуться тротуара, как сзади раздался крик:

– Эй, Нестеренко!

Валерий обернулся. Так и есть – к нему, переваливаясь по-утиному, спешил их участковый инспектор. Не переменился и даже не постарел, так и сидел, старая задница, на одном месте.

– А я-то думаю, кто это такой фасонистый идет по улице, – проговорил участковый, – никак краса и гордость наших мест, гражданин Нестеренко. Оказывается, он самый! Давно прибыли?

– Сегодня, – сказал Валерий.

– А у нас был сигнальчик, что вчера, из вашей же квартиры был сигнальчик, пьяным, говорят, пришли, прямо с вокзала, устроили дебош и угрожали.

Лицо Валерия приняло беспросветно-тупое и вместе с тем наглое выражение, которое оно принимало всякий раз при виде людей в форме. «Петровича работа, – подумал Валерий, – сволочь несчастная, выкинуть из квартиры старается. Хотя опять же – рак у него, если Любка не врет».

– Значит, вчера приехал, – сказал Валерий.

– А почему не явился в участок?

– А я как раз туда и шел.

– Ну что же, пойдем, голубчик, пойдем, и не в первый раз пойдем, и не в последний, а?

В участке все было так же, как прежде: у дверей тянулась очередь страждущих получить паспорт, да у плитуса, не обращая внимания на большое количество публики, полз, пошевеливая усами, бесстыжий, как ресторанный шлюха, таракан.

В кабинете двое ментов в рубашечках цвета застиранного неба жрали бутерброды и запивали их теплым кофе из термоса. Участковый посадил Валерия за стол и стал заполнять какие-то бумажки.

– Ну что, гражданин Нестеренко, что будем дальше делать? Тунеядствовать будем или про совесть вспомним?

– Работать.

– Это хорошо. И где же мы работать будем? На завод пойдем или в метростроевцы? Родине нужны молодые сильные руки.

– Мороженое буду продавать.

Лицо участкового вытянулось.

– Мороженое? Это в будке сидеть?

– Зачем в будке? Своя фирма будет. Изготавливать буду мороженое и продавать.

Челюсть участкового отвисла.

– Фирма? – сказал он. И обернулся к трескавшемуся бутерброды оперу:

– Нет, вы слышали, Сергей Никодимыч! В стране идет падение производства, мозги утекают на Запад, вон, вчера по телевизору говорили – газопровод в Коми лопнул, а тут сидит молодой, сильный бугай и говорит, что он будет продавать мороженое! И тебе не стыдно, Нестеренко?

– Когда я людям шеи ломал по вашему приказу, – осклабился Валерий, поднимаясь и направляясь к выходу, – мне и то было не стыдно, а чего мне за мороженое-то стыдиться?

– Это где же это тебе Советская власть приказывала шеи ломать? – завизжал участковый.

– А в Афгане, – бросил с порога Валерий.

Два дня ничего интересного в жизни Валерия Нестеренко не происходило. Он съездил в ту фирму, адрес которой дали ему в Архангельске. Англичане с ужасом оглядели его бритую башку и синяк под глазом, но по врожденной вежливости ничего не сказали, а согласились продать оборудование, если будут деньги. Они даже позволили Валерию покопаться, под строгим присмотром, в опытном образце, и Валерий так живо в нем покопался, что чуть не сломал какой-то регулятор, и только бдительный надзор сероглазого англичанина спас русского медведя от перспективы уплаты солидного штрафа.

Валерий получил проспекты фирмы и белую книжечку с описанием технологии. Вечер он провел у приятеля, переводя инструкцию, – у самого Валерия с английским было слабовато, дари он и то знал лучше. А потом Валерий съездил к пятидесятилетнему мужику-бухгалтеру, которому он пару раз здорово помог в лагере. Бухгалтер временно подвизался сторожем в пятой городской больнице. Они провели целый вечер, высчитывая, какая должна быть цена мороженого, чтобы покрыть издержки и выплатить ссуду, и размышляя, кто бы мог предоставить кредит проворовавшемуся бухгалтеру и двадцатипятилетнему парню, только что отсидевшему по 201-й. Бухгалтер – а звали его Сергей Данилыч – налил Валере полный стакан водки и сказал: – Не рыпался бы ты, Валерка. Чем больше рыпаешься, тем раньше утонешь.

Вернулся Валера домой в час ночи, немного пьяный и злой. Саше Шакурову Валера больше не звонил.

А на следующее утро, в восемь, в коммуналке раздался звонок, и соседка Люба постучалась в дверь Валерия.

– Валера, тебя!

– Да.

– Сазан? Это Сашка. Я тебе вчера весь день звонил, где тебя носит? Я достал тебе ссуду. Понял? Бери паспорт, бери документы, какие у тебя есть, надевай лучшие шмотки и дуй ко мне. Поедем вместе.

Через полчаса Валерий звонил в дверь Сашиной квартиры. Шакуров стоял в прихожей уже одетый, в сером элегантном костюме и легком плаще. От него пахло утренним кофе и дорогим одеколоном. В проеме стояла его жена – с волнистыми длинными волосами и офомными глазами за стеклами черепаховых очков.

При виде Валерия Саша остолбенел и выронил из рук «дипломат».

– Валера, – сказал он замогильным голосом, – я же просил быть во всем лучшим!

– Это мое лучшее.

– Лучшее? Эти драные кроссовки – твоё лучшее? А синяк под глазом? Ты думаешь, кто-то даст ссуду в пятьдесят тысяч долларов человеку с таким синяком под глазом?

– Синяк под глазом должен был быть у тебя, – проговорил негромко Валерий.

– Ах да, – Шакуров смутился.

– Но все равно. Ты помыться мог?

– Я помылся.

– Валера, но от тебя как от козла воняет! Ира, правда от него воняет? Валера, познакомься, это моя жена Ира.

– Очень приятно, – сказал Валера.

– Нет, ты меня убьешь! – воскликнул Шакуров, хватаясь за голову.

– Быстро в ванну!

И он начал сдирать с Валерия его кожаную куртку.

– Ирочка, достань мой черный костюм! И Бога ради, носки! Ты посмотри, они у него оранжевые!

– Это только один оранжевый, – возразил Валерий, – а другой черный.

– Вы не успеете, – сказала Ира.

– Вам назначено на десять.

– Не успеем, – согласился Шакуров, останавливаясь. – О Господи, мы не успеем. Пошли!

Шакуров заскочил на мгновение в ванну, и приятели побежали вниз, к белой «Волге»-пикапу.

– Возьми, – сказал Шакуров, трогаясь с места, и сунул в руки Валерия белый баллончик.

– Это чего?

– Дезодорант, горе мое луковое! Не то что это тебя спасет, но все-таки...

– А куда мы едем? – спросил Валерий спустя пять минут, когда Шакуров, дергаясь, стоял в утренней пробке на Таганской.

– Объединение «Аврора». Очень милые люди. Зовут Юрий Сергеевич. Иванцов. Они вообще-то тоже по оргтехнике – мы вроде как их дочерняя компания.

– А я думал, мы в банк едем.

– А это, друг мой, банк и есть. Одна умная голова сказала в законе о кооперативах, что они вправе привлекать средства населения – с одной стороны, и кредитовать доходные проекты – с другой.

– А чьи у них деньги? Партии?

– Только не надо! Хорошие у них деньги, комсомольские деньги.

– Ах да. Ты же у нас из комсомола... – Какая разница, откуда у людей деньги?! – сердито вскричал Шакуров.

– Важно, что они с ними делают! Они только что кредит из Сбербанка получили, сто пятьдесят миллионов, думают, куда распихать.

– И много у них денег?

Шакуров хмыкнул.

– Берешь факс. Факс стоит на Западе пятьсот долларов. Покупаешь на Западе факс. Продаешь его в России за пятьдесят тысяч предприятию. На пятьдесят тысяч покупаешь алюминий. Алюминий, купленный на пятьдесят тысяч рублей, продаешь на Западе за шестьдесят тысяч долларов. Так из каждых пятисот долларов выходит шестьдесят тысяч минус взятки всем высоким договаривающимся сторонам. Усек?

Валерий кивнул.

– И вот еще что. Ты понимаешь, что никто тебе так просто денег не даст? Слышал такое слово – обеспечение?

– А чем обеспечивать-то? – усмехнулся Валерий. – У меня ничего нет. Разве что себя продать. – Себя не надо. Квартира у тебя есть?

– Ты же знаешь, что нет!

– Дурак! Комната есть в коммуналке? Сорок квадратных метров, в старом доме, в центре Москвы, окна выходят на широкий солнечный двор... Приватизирована?

– Хрен ее знает.

– Приватизируешь и представишь как залог. Понятно? Ссуда под залог недвижимости.

– А если я ссуду не отдам?

– Будешь жить на свалке. Ты пойми, Валера, это не мои условия. Хоть что-то они должны с этого иметь? Твоя комната твоей ссуды не стоит, ты это понимаешь?

Валера пожал плечами. Сколько стоят комнаты, он не знал.

* * *

Контора располагалась в небольшом, с синими стенами и белыми колоннами двухэтажном особнячке, в глубине двора. «Аврора» арендовала площадь у издательства, некогда специализировавшегося на выпуске литературы народов СССР. Левое крыло особнячка было обложено строительными лесами, и близ входа медленно и важно крутилась бетономешалка. Вывески «Авроры» на особнячке не было, так что невнимательный прохожий мог решить, что издательство по-прежнему процветает, издает свою общенародную литературу и даже затеяло ремонт. У внимательного же человека впечатление складывалось такое, что «Аврора», хотя и процветает, однако боязливо жметесь в сторону, прочь от широких фасадов с выходом на проспекты, опасаясь вызвать неудовольствие обиженного чужим успехом народа или привлечь к себе неутомимый и алчный глаз въедливого чиновника, а главное – испытать на себе цепкое любопытство третьей силы, с некоторых пор принимающей живейшее участие в будущем России.

Как мы уже упоминали, одним из учредителей «Авроры» был располагавшийся в соседнем здании райком комсомола, благодаря чему «Аврора» имела налоговые льготы, значащиеся в законе о кооперации, и многие другие поблажки, ни в этом законе и ни в каких других не значащиеся.

Шакуров остановил машину на широкой заасфальтированной полосе, опоясывавшей усаженную цветущими нарциссами клумбу, поздоровался с дворником, поднялся на высокое крыльцо с мраморной балюстрадой и, пропустив мимо себя Валерия, взмахнул пропуском перед теткой-вахтершей:

– Мы в «Аврору».

Они повернули по коридору направо, вышли во внутренний дворик, перешли в другое крыло здания, там поднялись на второй этаж и, повернув еще раз, раскрыли стеклянную дверь, за которой скучал охранник. За дверью оказался еще один коридор, в который выходил добрый десяток кабинетов. Дверь одного из кабинетов была распахнута, возле нее стояли и курили пятеро мужчин. Валерий вспыхнул вдруг до корней волос. Все пятеро различались габаритами, возрастом и, кажется, национальностью. Общее у них было одно: все были одеты в красиво

сидящие пиджаки и брюки. Сахарная белизна их белых рубашек была оттенена мягкими, в меру широкими галстуками.

Черная турецкая куртка Валерия, та куртка, которую он еще три дня назад купил на Тишинке с восторгом и трепетом, вдруг показалась ему дерьмом, глупостью, ну словно он пионерский галстук нацепил.

А Шакуров неслышно приблизился к курящим и, подведя Валерия к самому старшему из них, крупному вислозадому человеку лет пятидесяти (даже отлично пошитый костюм не в силах был изничтожить эту вислозатость), произнес:

– Вот, Юрий Сергеич, – Валерий Нестеренко. Я вам о нем говорил.

– Прошу, – приветливо сказал Юрий Сергеевич.

Он ввел друзей в маленькую комнату, окнами выходящую на тихую соседнюю улицу. Комната еще недавно принадлежала редакции узбекской литературы, о чем свидетельствовал портрет узбекского классика со звездой на груди и помещавшийся тут же, под портретом, график сдачи рукописей в набор. График обрывался аж на 1997 году.

В комнате имелся старый, отчаянно желтый шкаф с полураскрытыми дверцами и три редакционных стола. С этой бедной обстановкой как-то не гармонировала витая решетка в узком окне и врезанный в пол тяжеленный сейф. Еще в комнате стоял настоящий компьютер. По экрану монитора плавали рыбки. Валерий видел компьютер живьем в первый раз и тут же уставился на него.

– Садитесь, – сказал Юрий Сергеевич, критическим взглядом окидывая гостя, – бизнес-план у вас есть?

– Чего? – спросил Валерий. – Бизнес-план, технико-экономическое обоснование, смета, назовите как угодно. Вы подсчитывали себестоимость и прибыль?

– Я только сегодня ему дозвонился, – извиняющимся голосом сказал Шакуров, – он непременно...

Валерий полез за пазуху и вытащил оттуда сложенные вчетверо листки.

– Вот, – сказал он.

Это были те самые подсчеты, которые они сделали вчера вместе с бухгалтером.

– Тут все, – сказал Валерий, – отпускная цена, объемы реализации товара, стоимость аренды помещений...

Юрий Сергеевич посмотрел на парня в черной турецкой куртке с таким изумлением, будто увидел перед собой говорящую корову. «Во дает мужик!» – подумал он, но виду не подал, а вместо этого раздраженно повертел листки в руках и осведомился:

– Вы что на них, поужинали? И почему от руки?

После этого Юрий Сергеевич углубился в изучение написанных четким бухгалтерским почерком строчек. Изучать-то было в общем нечего: краткое описание проекта, два десятка цифр да три десятка слов. Юрий Сергеевич передернулся, прочитав фразу о «возможном значительном расширении сети услуг и видов деятельности», пробежал глазами по колонке требуемых сумм, и зацепился за итог: 50 000 долларов США.

– Значит, – сказал Юрий Сергеевич, – пятьдесят тысяч долларов. Не рано ли?

– Не рано. Я два года пахал на хозяина в Афгане да еще два – за Уралом. Пора и на себя поработать.

– А отчего за Уралом оказался?

– А мораль у нашего государства разная. По кишлаку с детьми из «шилки» можно, а по роже хаму в кабаке нельзя.

– Значит, государство виновато, – подытожил Юрий Сергеевич.

– Э, нет, – сказал Валерий.

– Я сам.

– И много ты стрелял из «шилок» по кишлакам? – поинтересовался Юрий Сергеевич.

– Сколько приказывали, столько и стрелял. – Ну что ж, тебя Саша с нашими условиями ознакомил. Ссуда под залог квартиры – это раз, и потом, если у тебя ничего не выйдет, оборудование тоже переходит к нам. Уж не знаю, что мы с твоей мороженицей будем делать, в холле, что ли, поставим. Согласен?

– Согласен.

– Ну вот и хорошо. А сейчас ты снесешь эти бумажки нашему экономисту, Вере Петровне, она их перепечатает и проверит. Приватизируешь квартиру – получишь ссуду.

Когда Шакуров и Валерий ушли, в кабинет, с ворохом распечаток в руках, осторожно проник один из стоявших в коридоре молодых людей.

– Юрий Сергеич, – зашептал он, воровски оглядываясь и делая большие глаза, – правда, что вы этому парню ссуду даете?

Юрий Сергеевич невозмутимо кивнул.

– Юрий Сергеич, да это же совершенный урка! Вы поглядите, какой у него синяк под глазом! Он последний раз мылся, наверное, в следственном изоляторе! Он же съест эти деньги! Юрий Сергеич! Да это же просто невыгодно! Мы на факсах больше накрутим!

Юрий Сергеевич молча улыбался, сцепив руки на животе.

Комнату Валерий приватизировал необыкновенно быстро: отстоял очередь в жэке, а нотариуса вызвал на дом, чтобы не беспокоить лежащую бабу. В коммуналке еще никто не приватизировал комнат, и вся квартира собралась у замочной скважины Нестеренковой комнаты и слушала.

Чтобы заработать на нотариуса, Валерий три ночи кидал мешки на Москве-Сортировочной. Он приватизировал комнату на одного себя и прямо сказал бабу, что комната пойдет под залог. Та всплакнула – страшновато ей было, но Валера ободрил:

– Пиши, баба, пиши! Наше поколение советских людей еще будет жить при капитализме! И бабка подписала.

Глава 2

Кооператив называли «Снежокъ-best». Твердый знак на конце был безвозмездным подарком Шакурова. На словечке «best» настоял Валерий – это было одно из десяти знакомых ему английских слов.

Прошел месяц май, и наступил жаркий июнь.

Москва ела мороженое. Жрала мороженое утром, днем и вечером, после дневных матчей и ночных сеансов, и дела Валерия шли даже лучше, чем можно было предполагать. Валера в помощи людям не отказывал; на Тишинском рынке в фирму влился шашлычник, недоброжелателю которого Валера двинул по морде. Вскоре завели еще три шашлычные точки. Этот же шашлычник свел Валеру с хорошими людьми; приспособились продавать вместе с мороженым импортную воду и шоколад. Баночку херши брали со склада по цене в 0,35, а отпускали по 0,45 – тоже навар.

И тут к Валере никто не приставал, а кто приставал – получал в зубы. Валера и сам так делал, и своих наставлял: дай в зубы – сразу поймут и зауважают.

Валеру на рынках знали. Одного крутого парня он спустил в открытый канализационный люк и задвинул крышкой, так что тот, вылезая, чуть не попал под пятившийся назад трейлер с капустой. Другого, скрутив его подвернувшимся буксировочным канатом, забросил в пустую машину с сухим льдом и часик повозил так по городу, после чего парень три недели, несмотря на июньскую жару, кашлял и чихал. С третьим Валерий поступил и вовсе невежливо: положил его руки на раскаленный шампур и так держал. Парень орал как резанный, а весь рынок сбегался смотреть на интересное зрелище.

Что же до бродячей точки в грузовичке, которая развозит мороженое по всему городу, как то было написано в приятном буклете, – эта идея в России не выгорала. Жадность всяческого рода чиновников была совершенно неутолима. Стоило грузовичку Валерия появиться у Лужников после конца матча или у трех вокзалов в пятницу к шести, когда народ валом валил на приусадебные участки, – сразу откуда-то, как клопы, являлись представители администрации, вокзала, местного отделения, чего только не являлось, – совали нос в документы, рылись, интересовались и прямо просили на лапу. Один такой гад требовал у Мишки-продавца разрешение на торговлю, сказал, что пойдет проверит, и заныкал. И не хотел отдавать, пока не получил триста рэ. А шо? Потерял, и все. Или вовсе не было.

Другой раз привокзальные менты притащили Валеркиного парня к себе и закричали, что он украл чемодан. Какой чемодан? На хрен мне чемодан, я мороженым торгую! Чемодан так и не нашли, а мороженое все ужрали. Мороженого им, шерстяным, захотелось!

Спасибо, хоть почек не отшибли.

Так что оказалось себе дешевле выбрать несколько мест и сидеть там, как курица на яйце, авось что-нибудь да снесется. Ведь инспектору из санэпидстанции не набьешь морду, как рэкетир!

А вот на рэкете Валера сильно экономил.

Было лето 1990 года. Москва была еще не та, что несколько лет спустя. Грибница криминальных бригад, опутавшая столицу, только разрасталась. Большая часть обложенных данью предприятий восходила еще к давним временам теневой экономики, это были те еще люди, относительно которых состоялось историческое решение съезда воров 1971 года – брать, и брать по десять процентов. Гигантов отечественной индустрии еще никто не трогал, то была своя мафия. Да и они не шли на поклон к бандитам, чтобы ущучить недобросовестного должника, – неплатежи еще не шарахнули компании по самому деликатному их органу – балансовой ведомости. Большая часть крутых парней в кожаных куртках и тайваньских костюмах, с преувеличенно зверским выражением лица, питалась данью с десятка глупых киоскеров, да

и то только с тех, которые боялись врезать этим парням по морде; рэкетиры глушили водку, трахали девок и воображали себя очень крутыми. Каждая такая шайка распадалась не только что от смерти шефа, но даже от публичного его унижения.

Москва была гигантской ничейной территорией, сродни распадавшейся Римской империи. Вооруженные шайки удачливых выскочек бродили по этой земле, то создавая более или менее эфемерные королевства, то распадаясь, то возникая вновь. В гигантском котле из неизвестных ингредиентов варилось непонятное варево, и власти время от времени, любопытствуя, заглядывали за край котла и пытались разгадать: что же там за супчик?

Разумеется, Валерий не отделался бы так просто, если б подвизался там, где росла большая капуста, совершались сделки – но мороженое? По-настоящему крутых бабок тут не было. Можно было б и проучить шкодливого кооператора, но зачем? «Тут драки на шутку, а прибыли – на два рубля», – заметил один бригадир, когда его быки пришли с жалобой на мороженщика, предъявляя в качестве основания хари, раскрашенные не хуже жостовского подноса.

И пока Валеры не трогали, Валера рос.

Надо сказать, что двинуть по роже Валера мог не только чужого, но и своего. Заработать у него можно было много, особенно тем, кто институтов не кончал; во всяком случае, больше, чем в соседнем кооперативе, обремененном «крышей», и уж точно больше, чем в государственном учреждении. Была в Валерии какая-то звериная, вкрадчивая беспощадность, от которой не только у рабочих, но и у поставщиков спирало горло. Во всяком случае, когда один завбазой поставил Валерию несвежие яйца, Валерий без тени улыбки заявил, что в следующий раз в мороженую массу отправятся собственные яйца заведующего; и, как ни странно, заведующий тухлых яиц больше не поставлял.

Завелись у Валеры и свои связи: все больше сахарно-сливочные, на продуктовых базах и подмосковных совхозах, однако попадались и странные вещи: один директор совхоза страдал от платонической любви к двумстам листам шифера и согласен был за этот шифер на все, даже отдаться на покрытой им крыше. Но ничего у директора не было, кроме телевизоров «Рубин», завезенных в их удаленный от центра цивилизации магазин уже после того, как все колхозники отоварились «ящиками». Валера же знал место, где были готовы обменять шифер на крепежный лес, а Сашка Шакуров, в свою очередь, нашел ему пермяков, которые доставили лес и увезли в свою Пермь половину совхозных «Рубинов», а другую половину Шакуров рассовал по своим клиентам и выручку поделил с Валерием.

Но такие сделки случались редко.

Юрий Сергеевич не оставил Валеру своим вниманием. Регулярно звонил, спрашивал, как идут дела: познакомил с нужными людьми. Раза три звал его с собой в кабак. Ездили в бывший цеховский санаторий, с отличной баней и шикарными девочками. Но Валерию там не понравилось. Люди, собравшиеся в санатории, были слишком высокого полета, а один, обознавшись, даже принял Валеру за телохранителя Юрия Сергеевича.

Валерий сам перед этими людьми не заискивал, и ему было неприятно, что Шакуров ходит перед ними на цырлах, обдeldывая свои малопонятные Валерию дела.

Однако много делалось и полезного на этих встречах.

Как-то Юрий Сергеевич, Шакуров и Нестеренко сидели за столиком – по бронзовой решетке вились буйно цветущие клематисы, и бутылка шампанского в мельхиоровом ведерке дышала свежим холодом. Волосы Валерия уже отросли, и Юрий Сергеевич впервые обратил внимание, что Нестеренко – рыжий.

– Что, Валера, грустный, – спросил Иванцов, – рэкет еще не заел?

– Да какой там рэкет, – осклабился Нестеренко, – тут любой чиновник рэкетирам ничего не оставит. Мне на рынке один мужик жаловался: он птичье говно с крыш собирал и огородам продавал на удобрение. Так вот собирал он, собирал, а потом к нему приходят из жэка

и говорят: наше это говно, плати половину. Все, кончилось его дело, теперь он по тряпкам шустрит.

– Ну а ты?

– А ко мне вчера инспектор с санэпидстанции, третий раз за месяц! Я ему говорю, побойся Бога, сукин ты сын, ты же неделю назад приходил! А он: «У меня сестра приехала, что я, совсем сволочь бесчувственная, чтобы сеструху не встретить!» Сошлись на пяти сотнях...

– Гм, – сказал Юрий Сергеевич, что-то обдумывая.

Через два дня Юрий, имея под боком Валерия, остановился пошутить с плотным, лет пятидесяти мужиком, у него было обвислое лицо и задница, формой и весом напоминающая круг российского сыра.

– Как дела, Юрий Сергеевич? – уважительно справился мужик.

– Да вот, – осклабился Иванцов, – совсем плохо, надавал кредитов, а вернут ли, не знаю.

– Это кто же не вернет?

– А вот хоть он, – показал Иванцов на Валерия, – дали, понимаешь, парню на мороженое, а ваши проверяющие его совсем замучили: третий раз за месяц приходят. Если так дело дальше пойдет, то откуда парню возвращать кредиты?

Лицо плотного мужика вытянулось.

– Это кто же вас проверяет? – спросил он Валерия. – Да ходит такой, Чуркин, – сказал Валерий. – Черт знает что за безобразие, – разозлился мужик, – спасибо, Юрий Сергеевич, что сказали, завтра же разберусь.

Через некоторое время, когда Валерий под восхищенные крики нескольких бывших на базе девиц прыгал с тарзанки в мутные воды Москвы-реки, обвислый мужик вновь подошел к Иванцову. Рядом стояло довольно много народу. Какой-то седой с прибалтийским лицом человек в тенниске и шортах изучал неподалеку от купающихся иностранный журнал «Плейбой».

– Во дает парень, – заметил мужик и добавил: – Я думал, он ваш телохранитель.

– В некотором роде, – туманно ответил Иванцов.

– Валерий крутой парень, из Афгана, такой три раза откупится, а потом найдут где-нибудь вашего Чуркина в виде полуфабриката...

Плотный мужик вздрогнул и потупился: видно, Чуркин был человек честный и делился с ним долей.

Седой прибалт оторвался от «Плейбоя» и с интересом прислушался к разговору: он был немного знаком с Иванцовым – лет пять назад они работали в одном главке.

В следующее воскресенье Валерий не поехал в дом отдыха – работал. Уже вечером, усталый, он вкатился на грузовичке во двор магазина и стал на пару с Мишкой выгружать пустые холодные контейнеры. Солнце уже закатывалось за высокие пыльные крыши; в доме напротив визжала электропила, и листва деревьев, тяжелая и тусклая от московской пыли, шелестела на тихом теплом ветру.

На пороге подсобки сидел Гена-близнец и, разомлев от жары, сосал пиво из пестрого цилиндрика. Валерий подошел к нему.

– Иди помоги, – приказал Валерий, кивнув на ящики.

– Ты чего это мне приказываешь? – рассердился Генка.

– Или ты делаешь, как я тебе приказываю, или ты у меня не работаешь, – не повышая голоса, сказал Валерий.

Генка, ни слова не говоря, отставил пиво и пошел таскать контейнеры.

Валерий вошел в подвальчик, опростал на стол сумку с вырубкой и, вынув калькулятор, принялся ее пересчитывать.

Скрипнула дверь – в подвальчик зашел завмаг Павел Иванович.

– Вы чего это в магазине, а не на дачке? – спросил Валерий. – Сахар вечером привезут, – сказал Павел Иванович, – разгрузить не поможете?

– Поможем, – сказал Валерий, – за мешок.

– Идет, – сказал Павел Иванович.

Валерий продолжал считать, время от времени шумно сопя и записывая что-то на клочке бумаги. – А ты где был? – спросил его Павел Иванович.

– На демонстрации.

– И что на демонстрации? – поинтересовался заведующий.

– Мороженое хорошо жрут, – сказал Валерий, – всю машину продали в полчаса, было бы еще – тоже продали бы.

– Шустрые вы ребята, – сказал Павел, – а если баррикады начнутся, на баррикады ты тоже с мороженым полезешь? – Баррикады, – задумался Валерий. И замотал головой.

– Не, они под такое дело могут все конфисковать. Бесплатно. На защиту родине.

– Тебе тут человек один вызванивал, Вилде какой-то или Вельде, сказал, что от Иванцова.

Вилде? Вельде? Не помнил Валерий такого.

Томас Вилде объявился на следующий день. Это был тот самый среднего возраста прибалт, который слышал разговор между начальником санитарной службы района и Иванцовым.

Вилде предложил Валерию поставлять мороженое в его кафе.

А через неделю, осмотревшись, спросил, не хочет ли Валерий стать его компаньоном по другому кафе, на Тверской. Вилде давно приглядел это место и уже договорился об аренде с соответствующим начальством, – место было приличное, подвальчик, занятый мастерской по ремонту обуви, и расположено хорошо. Многие купят здесь дома под квартиры или офисы, и ресторан рядом им совсем не помешает.

– Ты сам посуди, – сказал Вилде, – мороженое – это хорошо, но вот кончится лето, станет минус двадцать, и кто будет есть твое мороженое? А вот шницеля люди едят круглый год. А мужик ты пробивной, мороженого для тебя мало.

Возможность иметь собственное – ну, пусть не собственное, пусть с компаньоном – кафе поразила Валерия. Он уже знал, кого привлечь. Жорка-шашлычник готовил божественно, из мороженных туш делал такие шашлыки, что казалось, этот баран еще утром травку щипал. Жорка жаловался, что на шампурах не развернешься, и вправду кормил ребят дома такими обедами, что уже давно шутили: «У нас тут свой „Арагви“. Было еще два-три человека, из которых можно составить команду.

– Кафе – хорошее дело, – сказал Валерий, – но бабок на кафе у меня нет. Чего я тебе сдался?

– Деньги Иванцов даст, – сказал прибалт, – но хозяйский глаз нужен. Я вот там ремонт устроил, занесли кафель для кухни, а на завтра две его упаковки пропало!

На следующий день Валерий прямо с молочного завода, где он ругался по поводу жидких сливок, поехал смотреть, как идут дела в его будущем кабаке. Подвальчик был уже наполовину оборудован: коммуникации проведены, кухня сияла белым кафелем и крутыми ободками гигантских кастрюль, рабочие отделывали обеденный зал уютной вагонкой теплого телесного цвета.

Приехал грузовик с сантехниккой и плиткой для туалета. Валера вышел подсчитать привезенное. Плиток оказалось на сто штук меньше. Рабочие сказали, что это ошибка, и Валерий с ними согласился, но дал понять, что за накладные с ошибками будут платить те, кто совершает ошибки, а не те, кто заказывал плитку.

Два дня Валерий провел перед будущей своей точкой, торгуя мороженым, шоколадками и жвачками. Он не столько торговал, сколько-наблюдал. Смотрел, сколько людей проходит мимо его лотка в обеденный перерыв и сколько – после работы. Как они одеты; сколько могут потратить денег на еду; какова вероятность того, что после открытия кафе они станут обедать и ужинать именно в нем.

Валерий прошел по соседним улицам. Большую часть квартир в ближайших домах составляли коммуналки, но во многих из них визжали пилы, у подъезда грузили на полуторки обшарпанные диваны и тумбочки. От каждого такого переезда у Валерия теплело на сердце. Коммуналки разменивались, в район вселялась новая публика, публика, которая сможет позволить себе ужинать в кооперативном кабаке – его кабаке!

В сущности, Валерий занимался тем, что на Западе называлось маркетингом, только слова этого он не знал.

Валерий прошел по улицам и сосчитал количество других кафе, количество вывесок государственных и новых коммерческих учреждений, зашел внутрь.

В трех государственных конторах столовых не было, люди в обеденный перерыв посещают гнусную общепитовскую точку напротив. Валерий потолкался-поговорил, и начальники учреждений согласились закупать обеды оптом у будущего кафе. А что, казенные деньги – не свои, инженер не пойдет в кооперативное кафе, а вот учреждение может отовариться оптом.

Ушлая дама, директриса некоего НИИ-ПРОМРАДТЕХа, вообще встретила Валерия с нескрываемой радостью. Она быстро согласилась заказывать обеды, но предложила, чтобы Валерий расписывался за каждый обед на десятку дорожке, и в конце концов они порешили, что Валерий распишется не на десятку, а на одиннадцать рублей, из них два достанется ему, а остальные девять осядут кровельным железом на крыше новенькой дачи директрисы.

Чем дальше, тем больше кружилась голова – свой кабак!

Всего два месяца назад отсидевший срок парень с трепетом переступил порог «Соловья», ахнув от хрустального света над столиками и девицы на эстраде. А еще через месяц он сам откроет такое же кафе! Какое там – лучше! У вас советский кафель в уборной, а у меня югославский! У вас одна девка плясала, у меня будут три! Негритянка будет, во!

На третий день Валерий вместе с Шакуровым отправился к Иванцову, и они обговорили условия новой ссуды.

Потом посетили чиновника, который подписывал договор на аренду. Чиновник сослался на постановление Моссовета, которое запрещает изменение профиля учреждения. Согласно этому постановлению обувной мастерской надлежало оставаться обувной мастерской отныне и во веки веков, аминь.

Валерий и Вилде сводили чиновника в ресторан, и там Вилде передал ему триста «зеленых», после чего вопрос о постановлении рассосался сам собой.

* * *

Прошло три дня. Бабка Валерия, Анна Павловна, пошла в собес узнавать о прибавке к пенсии, вернулась и слегла с обширным инфарктом. Ее увезли на «скорой помощи». В это время внук на задворках магазина «Тысяча мелочей» ругался по поводу сорока рулонов обоев для кафе, из которых три рулона оказались другого цвета. Вернувшись домой, Валерий испугался за бабушку и поехал в старую, обшарпанную больницу Министерства путей сообщения. Анна Павловна до пенсии трудилась проводницей.

В больнице делали ремонт, номера дверей на палатах были замазаны свежей краской, и изможденная медсестра, катившая на обследование больного, перепутав фамилии, удивилась было: «Федотова? Так она же вчера померла».

Доктор, узнав, что Валерий имеет кооператив, сказал, что бабке нужна операция, а больнице – краска для ремонта. «Но можем взять и наличными», – объяснил доктор.

Из больницы Валерий поехал в свое кафе – свое будущее кафе.

Мишка перед входом торговал мороженым.

Переулок был уже тих и пустынен. В стеклах верхних этажей плавало закатное солнце, да под пыльными кустами акаций в конце переулка были свалены в кучи отходы жизнедеятельности людей и их верных спутников – собак и автомобилей.

Валерий подошел к Мишке, и они вместе стали наблюдать за ходом московской жизни.

– Прошел покупатель, – сказал Мишка, – с восьми прошел. Сидит дома и телек смотрит.

– Ничего, тут какой-то НИИПРОМТЕХ в переулке, – сказал Валерий.

– Я договорился, они у нас обеды будут брать по двадцать рублей сорок четыре штуки или сорок одну, если штат сократят.

Мишка с восхищением поглядел на своего начальника. У него было такое впечатление, что уж его-то, Мишку, не пустили бы в НИИПРОМТЕХе дальше проходной.

– Хорошее дело, – повторил Валерий, – за свой счет эти инженера даже сардельку пожалеют купить, а за казенный – пожалуйста... Раздашь им завтра ящик мороженого. Бесплатно. В качестве рекламы. – Ты бы лучше для рекламы цыпу дал, – посоветовал Мишка.

– Цыпа – это само собой, – согласился Валерий, – цыпу дадим, когда откроемся.

– А Шакуров где? – спросил Мишка.

– На таможне, – ответил Валерий, – там большой шухер. Какой-то начальник утек за бугор с бабками.

– Большими? – Говорят, тридцать тысяч «зеленых». – А откуда известно, что тридцать тысяч?

– Это учтенные, – пояснил Валерий, – а сколько он с собой увез, этого никто не считал.

И вдруг замолчал, вглядываясь в конец переулка. Из скверика, усыпанного сигаретными окурками и прочим мусором, в переулок ступили двое ребят. На них были пестрые тайваньские костюмы и шлепанцы на босу ногу. Одному было за двадцать, а другой был совсем пацан – пэтэушник или десятиклассник. Ребята подошли к лотку.

– По порции, – сказали ребята.

Валерий наполнил стаканчик и остался со стаканчиком в руке, ожидая денег.

– Шесть рэ, – сказал он.

– Дорого, – сказал один парень.

– Это какие же ты деньги загребаешь? – поинтересовался десятиклассник.

– Какие надо, такие и загребаю. Идите ко мне работать – тоже будете загребать.

– Я что, долбаный, что ли, – работать? – спросил лениво парень.

А другой добавил: – Ловкий ты, дядя. Это ты кафе покупаешь?

Валерий оскалится.

– В общем, так: с тебя одна штука. «Зелеными». За этот и следующий месяцы. Вилде платил, и ты будешь.

– За что?

– За секьюрити.

– У меня своя секьюрити.

– Телефончик дашь?

Валерий повернулся к Мишке и сказал: – Покарауль, а я пока пойду, телефончик дам.

Мишка, чуть побледнев, кивнул.

Валерий, нагнув голову, нырнул в полуотстроенное помещение, откуда приятно тянуло прохладцей, пахло свежим деревом, олифой и пригорелой кашей.

Стены зала были обиты вагонкой только наполовину, и посреди него стоял большой верстак с электропилой. Тут же гипотенузой громоздилась целая куча досок, одним концом опираясь о верстак, другим – об пол. С потолка свисали несколько голых лампочек. Валерий неторопливо дошел до арки, ведущей в кухню, и вдруг остановился, словно влетевшая в дерево машина. Первый парень, тот, которого Нестеренко определил в пэтэушники, тут же споткнулся о Валерия, который схватил его за шиворот.

– Ты куда прешь, малек? Не видишь, где чужие ноги стоят?

Парень пискнул. Валера с размаху съездил его по морде. Тот зашатался. Искры посыпались у него из глаз. Раскинув руки, парень рухнул на грудь вагонки. Валера обернулся. Второй, постарше и наверняка заводила, еще не успел сообразить, что происходит, и застыл в недоумении.

В следующую секунду и он полетел на верстак, взвизгнул, и тут же рядом с ним что-то завизжало еще громче – Валерий врубил электропилу. Парень изогнулся, как рыбка, но в это мгновение кулак Валеры въехал ему под ребра. От страшной боли рэкетиры закрыл глаза, а когда открыл их, перед ним бешено вертелся и пел стальной диск пилы, и в лучах заходящего солнца плавала осыпающаяся с верстака древесная пыль.

Валерий, навалившись на парня так, что тот не мог даже пошевелинуться, оттянул свободной рукой воротник спортивной куртки и зашептал: – Даю телефончик. Вот это – раз.

Рука Валерия резко пошла вниз, и пила, взревев, рассекла ткань куртки в полусантиметре от горла парня. Валерий захватил вторую жменю.

– Вот это – два.

И снова – визг перерезающей ткань пилы. Тяжелая стационарная пила, обыкновенно сидящая на козлах, танцевала в руках Валерия, подпрыгивала, вгрызаясь в прочную металлическую «молнию». Парень затаил дыхание. Он боялся, что пила в руках этого сумасшедшего сорвется, и уже видел собственные кишки, намотанные на зубья, крутящиеся в пыли.

– Три.

Парень даже не мог орать.

– Называть остальные цифры?

Голова парня безвольно моталась. Глаза его от ужаса расширились до размеров стадиона Лужники.

– Зеленые вы еще меня охранять. Ясно? Еще раз увижу вас в этих местах – х... отрежу, а не рубашку. Понял?

Валерий повернулся и вышел из зала.

Москва все так же жила своей вечерней жизнью. Из подъезда напротив солидная дама в белых брючках выводила на прогулку пуделя с выбритым задом. Из подворотни текла струя воды, два четырехлетних джентльмена снаряжали в плавание большую щепку.

Парни выбрались из подвальчика минут через пять. Тот, что в кроссовках, нес свернутую куртку в руке, прикрывая неожиданный дизайн, приданный ей электропилой.

На спортивных его штанах расплывалось мокрое пятно. В сторону Валерия они даже не взглянули, перебежали улицу и пропали в подворотне, растоптав по дороге щепку, отправленную в плавание малышами.

* * *

Вечером Валерий поставил грузовичок около магазина, тщательно закрыл его на все замки и запер дверь в подсобку. Выйдя на улицу, оглянулся. Перед ним был довольно широкий московский двор, справа выходивший на улицу, в глубине же раздваивавшийся и нырявший под арку, ведущую в новые дворы. Шагах в десяти от улицы стояли контейнеры с мусором, в полуметре от входа в подсобку рос высокий и буйно цветущий тополь: пух от него лениво мотался по всему двору, сбиваясь в плотные белые валики у порогов и трещин. Валерий осмотрелся и убедился, что вокруг никого нет.

Тогда он размотал на поясе ремень. Тот неожиданно превратился в довольно длинную кожаную полосу с прочным крюком на конце. Валерий забросил крюк на один из сучьев тополя, подтянулся и в мгновение ока исчез меж листьями.

Посетители появились в одиннадцать. Их было двое. Один был тот самый пэтэушник, который сегодня отделался простым синяком.

Второй стал на стреме у выхода из двора. Пэтэушник подошел к одиноко стоящему фургончику с веселой надписью «Кооператив „Снежок“» и улыбающимися снежинками. – Давай, – тревожно свистнул поделщик.

Пэтэушник огляделся и достал из кармана большой гвоздь. Но всадить его в шину не успел – что-то мягкое и большое обрушилось на него сверху.

Парень упал мгновенно и тихо, как шторка фотоаппарата. Нестеренко подхватил его и, заломив руки, хрястнул спиной о дерево.

Его приятель, стоявший на стреме, в ужасе оглянулся и бросился наутек.

В руке Валерия сверкнул нож. Он прижал пэтэушника к дереву и, навалившись сверху, жарко зашипел: – Я вам сказал, падлам, чтобы со мной не связывались? Сказал? Кто заказчик?

Второй злоумышленник улепетывал вниз по улице. Он пробежал недолго: навстречу ему попался ночной патруль.

– Стой! – заорала ментовка.

– Куда бежишь?

Тот вскинул руки.

– Помогите! Товарища убивают! Вон там, во дворе!

Синеглазка, взвизгнув, вкатилась во двор. – Руки! Всем стоять!

Валерий отпустил парня, и тот мешком свалился на землю. – Ах ты сука, – заорал милиционер, выскакивая из машины, – ты чего это делаешь, стервец? – Я владелец кооператива, – сказал спокойно Валерий, – эти двое вымогали у меня деньги. Я им отказал, и они решили проучить меня. А я их поджидал. – Да что ты врешь, – заорал парень, – мы мимо шли, да я его первый раз вижу!

– А ну всех в участок, – распорядился милиционер.

Участковый встретил Нестеренко с ехидной усмешкой: – За старое взялись, гражданин Нестеренко? Хулиганите?

– У меня вымогали деньги, – сказал Валерий.

– Кто? Вот эти пареньки? Стыдно врать, Нестеренко!

Вопреки ожиданиям, Валерия не сунули в обезьянник, а просто посадили на лавку, где дожидались решения своей участи пяток бомжей и две лимитчицы из борделя, именуемого женским общежитием рятнадцатой городской московской фабрики.

Прошло полчаса, и Валерия ввели в небольшую комнатку, где сидел старый обрюзгший опер, с длинным и плоским, как совок, носом и неподвижными глазами цвета хозяйственного мыла.

Перед опером лежала изъятая у Валерия «щучка». Парней в кабинете уже не было.

– Так что же это, гражданин Нестеренко, – с оттяжкой заговорил опер, – я гляжу, вам мало днем молодежь обирать, вы еще и ночью за ней с ножами гоняетесь?

– А это их нож, – пожал Валерий плечами.

– Вы лучше проверьте, из какой кофлы эти пареньки.

– А мы уже позвонили и проверили. Мальчики из хороших семей, школу кончают, у одного дядя, знаете ли, в кремлевской охране.

– Чего же они в полночь по подворотням бегают? – спросил Валерий.

– А они из кино шли, у них и билеты есть.

И, порывшись в кучке вещественных доказательств, разложенных на столе, опер предъявил Валерию два смятых билета.

– И чего это я на них кинулся? – спросил Валерий.

– Один на двоих, как мышь на кошку.

– Тебе видней, чего ты на них кинулся. Может, пьяный, а может, изнасиловать хотел.

– Опер помолчал и сказал: – Деньги у тебя при себе были, значит, придется писать изнасилование.

Валерий почувствовал, как руки его похолодели. – Ты что, – сказал он не своим голосом, – издеваешься, начальник?

– Ничуть не издеваюсь, а вот побудешь в камере до утра, проветришься, завтра возьмем показания.

– В камеру? – заорал Валерий. – В камеру? С изнасилованием? Да вы меня лучше к стенке поставьте!

– А чего? – удивился опер. – Посидишь ночку в камере, тебе не впервой – если обвинение не подтвердится, выпустим завтра на свободу...

Валерий уронил голову на руки и глухо, отчаянно застонал.

Опер удовлетворенно откинулся на спинку стула и закурил. Когда Валерий минут через пять поднял голову, проклятый мент все так же курил. Глаза цвета хозяйственного мыла улыбались кооператору прямо в лицо.

– Значица, так, – сказал опер, – вот этого протокола здесь не было, – и протянул протокол Валерию.

Тот принял бумажку мертвой рукой.

– И денег в кошельке тоже не было. Понятно?

– Понятно, – сказал Валерий, – на метро только оставьте.

Он вышел из кабинета с протоколом в кармане и с пустым кошельком.

Опер Сивашенко был доволен. С наглого кооператора слупил двести сорок рублей, пятнадцать рублей – с обеих парней и еще рассчитывал крупно подоить матушку одного из сорванцов, которая уже летела на такси в участок, дрожа и утирая старым платком подкрашенные карандашом ресницы. «Экий народ свинский пошел, – подумал Сивашенко, откидываясь на скрипящем стуле и с сожалением исследуя прогалины, образовавшиеся от древности в лаковом покрытии стола, – мальчишка, зек вчерашний, а вот, понимаешь, двести сорок рублей у него в бумажнике! Откуда у честного человека двести сорок рублей? А потом в магазине масла нет, а откуда в магазине быть маслу, если у кооператора – двести сорок рублей?»

На следующее утро между Валерием и Вилде состоялся краткий разговор.

Томас Вилде сам пришел, виновато пряча глаза, выразил сочувствие по поводу ночного свидания Валерия с московской милицией (тот о деньгах ему не сказал). Томас Вилде скулил, как побитая собака. Щеки его пылали.

– Извините, Валерий Игоревич, что так вышло, – говорил он, растягивая гласные, – я все хотел объяснить вам, но это, признаться, так стыдно...

– Тридцать процентов, – сказал Валерий.

– Что? – Моя доля собственности в кафе составит не пятнадцать, а тридцать процентов.

– А деньги? – Денег вношу, сколько вносил.

– За что? Из-за этой вот кофты?

– Кодле морду набью бесплатно. А вот когда на тебя наедут всерьез, кто будет объясняться? Я?

Томас Вилде откинулся на спинку стула и долго изучал своего молодого партнера.

– А вы мне нравитесь, Валерий Игоревич, – сказал он. – Думаю, мы сработаемся.

* * *

На следующий день утром Валерий повез Иванцова смотреть помещение. Тот остался куда как доволен. Его удовлетворенность Валерием выразилась в том, что он обещал вдвое увеличить кредит, и попросил на три процента больше. Он сказал, что Валерий такой оборотистый мужик, что от лишних трех процентов не разорится.

– Ты сам подумай, – сказал Иванцов, – мы с тебя брали небольшой процент, потому что боялись, что ты концов с концами не сведешь. А теперь видим – ты надежный клиент, как же мы можем тебя даром кормить?

Валерий выслушал это рассуждение молча и спросил: – Когда будем подписывать?

– Да хоть завтра.

– Завтра я не могу, – сказал Валерий, – завтра я в Тольятти еду.

– Зачем?

– За «шестеркой». Договорился я с одним типом, он мне продает «шестерку» ниже отпускной цены, они там получают их со скидкой. Только ехать за ней надо самому. – Вот как? – удивился Иванцов.

– Поздравляю.

Валерий сам себя поздравлял. Это было невероятно. У него еще волосы как следует после лагеря не отросли – а вон, гля! Кооператив, товарищество, «шестерка». Жизнь, господа, прекрасна!

Глава 3

В тот день Саша Шакуров приехал на работу поздно: фирма заказала партию серверов, и Шакуров мотался в Шереметьево растаможивать груз. Растаможивание выразилось во взятке, данной улыбчивому молодому человеку в погонах. После этого Шакуров сам погрузил один из серверов в пикапчик и поехал к одному важному клиенту, который еще вчера звонил и интересовался, где заказанная им аппаратура.

Поэтому Шакуров явился в фирму часа в два.

Едва он запарковал машину у подъезда и вошел внутрь, как двое мужчин, с самого утра сидевших с безразличным видом в вишневом «Вольво» за углом, снялись с тормоза и тихо встали за «Волгой».

Один из мужчин, постарше, был одет в темно-серый двубортный костюм, на другом были джинсы и кожаная куртка. Вместе их вполне можно было принять за шефа и его водителя. Несмотря на то, что добротные кожаные туфли двубортного имели чуть ли не двухсантиметровый каблук, он был заметно ниже своего спутника. Двубортный справился, где можно найти шефа, и на вопрос «зачем?» туманно отвечал, что они уже звонили из города Иванова на предмет того, не заинтересуется ли фирма обменом компьютеров на ивановский ситчик.

Через пять минут парочка стояла на пороге крошечного кабинета Шакурова. Тот был погружен в творческий процесс: сочинял факс в Лондон. Шакуров мигом отставил компьютер и вышел из-за стола навстречу посетителям.

– Чем могу служить...

И почему-то тут же осекся.

Двубортный как ни в чем не бывало радушно извлек из кармана визитку, на которой было оттиснуто: «Топаз». Рыжиков Валентин Семенович. Директор по маркетингу».

Однако вслед за этим Валентин Семенович повел себя странно. Вместо того чтобы изложить свое дело, как подобает потенциальному партнеру, а тем более приехавшему из Иванова бизнесмену-провинциалу, он немедленно развалился в кресле, задрал тощие ноги на стол и проговорил, неприятно улыбаясь и обнажая редкие желтые зубы:

– Мы от Михайского. Жалуется, что вы ему дерьмо впарили вместо компьютеров.

Шакуров слегка побледнел. Михайский заведовал крупной фирмой, потребовал непременно «Pascard Bell» белой сборки. Шакуров лично устанавливал железо, лучшего программиста послал...

– Это какое-то недоразумение, – сказал Шакуров, – впрочем, разрешите, я позвоню?

И на память – память у него была отличная – набрал номер телефона Михайского. Тот, по счастью, оказался еще на работе.

– Владимир Федорович, это Шакуров. У вас, кажется, проблемы с компьютерами?

– Да. – Владимир Федорович, не стоит волноваться. Я сейчас же pošлю Колю. Скорее всего это вирус – кто-нибудь принес зараженную дискету...

– Это не вирус.

– Но помилуйте, откуда вы знаете? – рассердился Шакуров.

– Это не вирус, Саша, это...

И вдруг связь оборвалась: Шакурову показалось, что на другом конце провода кто-то вырвал из рук Михайского трубку и швырнул ее на рычаг.

Шакуров медленно выпрямился и в недоумении вперил глаза в посетителя, впервые вглядываясь в него повнимательней.

Но глядеть, по правде говоря, было не на что: природа не одарила Валентина Семеновича романтической внешностью.

Директору по маркетингу фирмы «Топаз» стукнуло лет тридцать пять; его продолговатое лицо в форме кабачка украшали редкие, как вытоптанный газон, брови, и на выбритом до синевы подбородке темнели два или три свежих пореза.

Несмотря на отлично пошитый костюм, Шакуров заметил опытным взглядом комсомольского работника, что конечности Валентина Семеновича были несколько тощи, пузо же, наоборот, выдавалось вперед среднеазиатской дыней.

Единственной примечательной деталью во внешности Рыжикова был редкий и странный недостаток: одно его ухо было явно меньше другого. Рыжиков тщательно зачесывал жидкие волосы вперед и всегда смотрел на собеседника боком, но волосы у него были жидкие, и поэтому странная прическа не только не скрывала разновеликость ушей, но, напротив, привлекала к ней внимание.

– Штраф надо платить, деточка, – сказал, нагло улыбаясь, Валентин Семенович, – за некачественную работу.

– Вы что, издеваетесь? Если каждый начнет просить у меня деньги за то, что я ставлю аппаратуру, так никаких денег не хватит! Поехали к Михайскому, плохие компьютеры – поставлю новые, а если он с жиру бесится...

– А штраф не Михайскому, – пояснил Валентин Семенович, – штраф нам, – и опять постучал пальцем по визитке с золотым обрезом. – Объединению «Топаз».

И только тут до Шакурова наконец дошло, хотя он был человеком сообразительным и должен был догадаться пораньше.

– Так вы – мафия? – с интересом спросил Шакуров.

Валентин Сергеевич безразлично пожал плечами.

– А почему я должен вам платить?

– А за что государству платишь? За охрану.

– А если я вас выкину в окошко?

– Ну, – сказал Валентин Сергеевич, более известный в определенных кругах под кличкой Рыжий, из-за фамилии, – ну ты, парень, даешь! Влипнешь же. Представь себе, что Михайский, например, начнет жаловаться, что Шакуров-де задержал ему поставки, крутил деньги, а потом продал дерьмо. И отказался исправлять. Да и жена у тебя, Александр Ефимович, красивая...

Шакуров сидел, ошеломленный и раздавленный. Еще вчера он ужинал вместе с Валерием и Юрием Сергеевичем, и Валерий, смеясь, рассказывал, как набил рэкетирам морду. Но эти были совсем не теми рэкетирами, о которых говорил Валерий. Больше всего Шакурова выбил из колеи звонок к Михайскому. Михайский был одним из самых крупных его клиентов – Шакуров все коленки себе протер, вымаливая этот заказ, – с Михайским шли переговоры на поставку новой партии, и, главное, Михайский возглавлял государственное, более того, как бы закрытое учреждение, бывший почтовый ящик. Если эти люди добрались до Михайского, то...

Рыжий скалился, наблюдая за лицом Шакурова. Тот растерялся, словно девка, с которой проезжий мотоциклист сорвал трусики. Это было в кайф. Ради таких моментов Рыжий и жил.

– С тебя тысяча «зеленых», – вкрадчиво проворковал Рыжий. – В месяц, Александр Ефимович. Фирма берет на себя все обязательства по страхованию твоего бизнеса, а также функции арбитражного суда, налоговой инспекции и твоей маленькой частной армии в случае разборки с конкурентами.

– Убирайтесь, – сказал Шакуров. Голос прозвучал сипло и неубедительно.

В следующую секунду доселе бессловесный громила, схватив Шакурова за волосы, ткнул его мордой в рассыпавшиеся по столу бумаги, словно шкодливого котенка в собственное дерьмо, а Рыжий выхватил из кармана самый настоящий пистолет и приставил к виску бизнесмена.

– Ты, фраер, – сказал Рыжий, – я не уборщица, чтобы убираться, понял? Я тебе яйца повыдергаю. Уши пообрезаю за такие словечки и на завтрак съем. Хочешь живым быть – завтра

сиди в этом кабинете с полутора тысячами «зеленых». Еще раз скажешь «убирайся» – будешь платить две тысячи. Все.

Посетители повернулись и исчезли за дверью кабинета.

Саша Шакуров сидел в кабинете минут пять, не шевелясь, словно его уже застрелили. Как всегда в минуты неожиданного кризиса, он совершенно потерял способность думать, и теперь понемногу она у него восстанавливалась. Все, кто ни сталкивался с Шакуровым, хвалили его за предусмотрительность: Шакуров славился умением просчитывать двенадцать вариантов на три хода вперед. Но необыкновенное это умение было на самом деле защитной реакцией перед главной слабостью Шакурова: всякий неожиданный поворот событий, а тем более эмоциональный толчок, оставлял его беспомощным, как гуся на льду. Зная за собой эту беду, Шакуров рано стал высчитывать и вычислять, чтобы никакое будущее не застало его врасплох; это помогало, но не тогда, когда били по морде.

Шакуров посидел минут пять, а потом пододвинул к себе клавиатуру и принялся диктовать факс в Лондон, который сочинял до прихода бандитов. Он очень хорошо помнил, что надо было писать, и пальцы его плясали по клавиатуре сами собой; трудно сказать, что двигало Шакуровым. Возможно, какое-то странное желание защититься или уверить себя, что ничего не произошло, – вот, можно все так же писать факс, можно его и отправить...

И, главное, выход существовал – он был давно обговорен и обеспечен.

Но факс сочинился очень быстро. Шакуров вывел его на принтер, подписал и опять сел, обхватив голову руками.

Наконец, оправив галстук и улыбнувшись, Шакуров набрал телефон и попросил к телефону Юрия Сергеевича.

– Юрий Сергеевич, – сказал он, поздоровавшись, – помните, вы меня как-то представляли Степану Михайловичу?

Степан Михайлович был зятем Юрия и работал начальником отдела в КГБ.

– Да-да.

– Он позволил обратиться к нему, если у меня будут сложности...

– Тебе не стоит это делать, – сказал Юрий.

– Но... – Степан в командировке.

– Но, быть может, вы мне посоветуете...

Юрий помолчал, а потом сказал: – У Степана сейчас некоторые проблемы. Его отдел реорганизуют. Извини, Саша.

И в трубке послышались частые гудки.

Почти три минуты Шакуров приходил в себя, а потом опять набрал телефон Михайского. На работе того уже не было. Через полчаса Шакуров дозвонился ему домой. – Владимир Федорович, это Шакуров. Я по поводу этих неполадок... Я бы не мог к вам заехать сегодня или завтра? – Этого не стоит делать, Саша. Кстати, если наше недоразумение благополучно разрешится, у меня есть для тебя еще заказ.

Шакуров положил трубку. Позвонить в милицию? А потом что? Шакуров вдруг сообразил, что милиции разноухий господин Рыжиков не по зубам, потому что господин Рыжиков внятно объяснит, что никаких денег он не вымогал, а пришел от имени своего друга Михайского, человека со связями и орденами, директора важного оборонного предприятия, которому молодой наглый бизнесмен впарил некачественные компьютеры, нанося, таким образом, ущерб обороноспособности страны. И Михайский это подтвердит. Теперь, после второго звонка, это ясно.

Поползут сплетни, фирма тут же погорит, заказчик ведь разбираться не будет, заказчик пуглив и охоч до сплетен, нынче слухи о том, что ты кинул клиента, все равно что аморалка на комсомольском собрании в прежние времена...

Да и вообще милицию звать нельзя, это Шакуров усвоил очень хорошо на чужом опыте. Бандюки за свои полторы тысячи хоть работать будут, а менты вцепятся, все до последнего цента высосут, и тебе же по почкам навешают, чтобы не трепыхался.

Шакуров механически перекинул через руку летний плащ, потушил свет и спустился на черную, раскрашенную цветными квадратами окон улицу. Только тут он вспомнил, что, кажется, не выключил компьютер.

Это так его расстроило, что он поднялся обратно в кабинет. Компьютер был, однако, выключен – Шакуров вспомнил, что он вырубил ток, не выйдя из программы. В кабинете он вдруг набрал еще один номер.

– Алло, Гоша, это ты? А Валера где? – Валера в Тольятти.

– Как в Тольятти?!

– Так. Ему Матвеич сделал машину, только за ней в Тольятти надо было ехать. Вот он и поехал. – И когда он будет? – Не знаю, может, завтра, может, послезавтра.

– Что-нибудь передать?

Шакуров растерянно положил трубку.

Валера вернулся из Тольятти в пять вечера на следующий день. Новенькая «шестерка» вишневого цвета въехала во двор, где стоял обычный грузовичок-фургончик, – Гошка только что возил в нем мороженое в кафе «Марина». Мороженое было отвезено, и теперь фургончик стоял пустой. Из раскрытой дверцы вырывались клубы испаряющегося льда. Гошка тащил из подвала первую коробку новой партии.

Завидев «шестерку», Гошка бросил коробки и заорал: – Семен! Сазан приехал!

Из подсобки выскочил его брат и принялся восхищаться тачкой.

– Мне никто не звонил? – поинтересовался Валерий.

– Разве что Сашка Шакуров.

– Чего он хотел?

– Да странный он был какой-то, как таракан под дихлофосом.

Валера постучал пальцем по новенькому, обтянутому серой кожей рулю. Он ехал без перерыва и без сменщика и встал сегодня в три часа ночи. А Шакуров... Шакуров был та еще капризная кошка...

Через двадцать минут новая машина Валерия остановилась у дверей фирмы Шакурова, размещавшейся на четвертом этаже узкого здания, сдаваемого в аренду государственным институтом деревообрабатывающей промышленности.

Валерий выключил зажигание, облокотился на руль и стал ждать.

Ждал он довольно долго – часа два. Протикало уже девять часов, Шакуров все не выходил, хотя многие работники фирмы потекли из помещения. Свет в директорском закутке все горел и горел.

Наконец у подъезда лениво затормозила вишневая иномарка, и из нее высадились два человека: третий остался в машине.

Сердце Валерия неприятно екнуло от зависти, когда он увидел отлично сшитый серый костюм на самом низком из пассажиров «Вольво». «И эти туда же», – подумал Валерий.

Скрипнула дверь подъезда – серый костюм, сопровождаемый широким парнем в кожаной куртке, пропал в двери. Валерий неторопливо потянулся и вышел из машины. Уже стемнело: улица была пуста, только наискосок от «Вольво», уткнувшись задом в люк, ведущий к мясному магазину, стоял запоздалый грузовик. Дверцы грузовика были закрыты, водитель размахивал накладной и матерился, стоя перед заведующим в белом халате. Валерий сделал ручкой заведующему – они были немного знакомы, и прошел в темный и глухой подъезд с надписью: «Параллель-плюс», 4 эт. – направо».

Шакуров сидел в своем офисе с утра. Мысли его ползали лениво, как ошпаренные муравьи, и, несмотря на зной, его то и дело била дрожь. Вдобавок он вчера напился страшно,

в стельку, и не ночевал дома. Во рту – словно таракан гнездо свил. Дважды в офис звонила жена, не постеснявшись устроить скандал секретарше.

Вечером из Лондона пришел факс, хороший факс, от такого факса Шакуров раньше станцевал бы и запрыгал. Но сейчас даже факс не радовал.

Вчерашние гости явились без стука, в девять.

Рыжий развернул к себе кресло для посетителей и, плюхнувшись в него, с хрустом потянулся. Спутник бандита задержался у двери, вынимая ключ, болтавшийся с наружной стороны. Однако запереть дверь он не успел, кто-то протискивался в кабинет.

Рыжий недовольно дернулся, дверь раскрылась, и на пороге директорского закутка появился Валерий Нестеренко, небритый и чумазый. На обратной дороге Валерию дважды приходилось инспектировать внутренности машины, и один раз он пролил себе на брюки масло, а другой раз струя кипящего тосола и спирта брызнула в него, едва он открыл капот. Валерий почти отскочил в сторону, но все-таки куртка его пострадала.

Новенькая «шестерка» была все-таки не так хороша, как обещали.

– Привет, Сашка, – сказал Валерий. – А это у тебя что за публика? Ты бы меня представил.

Спутник Рыжего, лысый заматерелый мужик в синей футболочке и тренировочных штанах, взял Валерия за воротник и сказал ласково: – Иди, парень, гуляй. У Рыжего разговор с хозяином.

Руки Валерия сомкнулись на запястье мужика, и тому показалось, что он по ошибке сунул руку под колесо «КамАЗа», а не под чей-то воротник. Мужик пискнул и выпустил воротник.

– Не будет у вас никакого разговора, – сказал Валерий.

Рыжий неторопливо повернул голову к Шакурову: – Это что за досаафовец? А! Ты кого это зовешь на частные встречи?

Докончить он не успел. Валера схватил его за широкий галстук и сказал: – Сам пойдешь, разноухий, или в окошко выкинуть?

Рыжий неожиданно побледнел, не то от страха, не то от злости, и тихо сказал: – Я сам пойду. А ты, сямка, еще на коленях ко мне приползешь. Жопу лизать будешь.

Валерий, усмехаясь, выпустил его, и серый пиджак мгновенно исчез за дверью кабинета.

– Ты что сделал? – спросил Шакуров.

– За чем позвал, то и сделал, – усмехнулся Валерий.

– Я тебя не за этим звал!

– Да? Извини. А мне показалось, за этим.

– Понимаешь, что ты сделал? Ты видел, какая у них машина? Думаешь, это твоя шелупонь подзаборная? Это тебе не два старшеклассника, которые на понт берут, это организация, понимаешь?

– Очень ты организации, Сашок, уважаешь. Комсомольское прошлое сказывается.

– О Господи! Ну вот ты их прогнал, а они завтра меня в подъезде изловят. А потом в банк, где стоят мои компьютеры, заявятся, побьют их в дым и скажут: «У Шакурова больше не заказывайте!»

Валерий молча улыбался.

– Ты мне спас полторы штуки, а наказал на полмиллиона!

– Они с тебя полторы штуки требовали?

– Да. Ты думаешь, это много? – Сашенька, да ты посмотри на их тачку! Какие полторы штуки? Они тебя на понт брали. Первый раз заплатил полторы, второй – две, а потом приходят и говорят: «Нам кредит нужен на сто тысяч, будь другом, дай...» Они ж тебя разорят, Сашенька! Они же на Иванцова через тебя наедут! Шакуров обхватил голову руками и зарыдал.

Валерий пододвинул к себе телефон и стал набирать номер. – Генка? Это Сазан. У меня к тебе просьба. Бери тачку и дуй к Сашкиному офису. «Параллель-плюс». Помнишь, где? Можешь в нем переночевать?

Трубка задумалась, а потом осторожно спросила: – Одному переночевать или с «дурой»? – С «дурой» в самый раз, – уточнил Валерий.

И тут же, не отпуская трубки, набрал второй номер.

– Макс? Сазан. Слушай, можешь одного мужика домой отвезти?

– Кого?

– Шакурку.

– Ну?

– Значит, так, – сказал Валерий, – домой его отвезешь и заночуешь, а завтра посидишь у него на работе. Ну бывай. Жду.

Шакуров сидел и глядел на телефон с убитым видом. – Слышал? – сказал Валерий.

– Сиди здесь и дожидайся Макса. Без него никуда не езди.

– А ты куда?! – отчаянно вскрикнул Шакуров. – Договорить с людьми надо, – ответа Валерий.

– Они же не милиция, – закричал Шакуров, – они же все, что угодно, могут сделать!

– И я не ми-ли-ция, – собезьянничал Валерий.

Выйдя из кабинета Шакурова, Валерий прошел длинным удавообразным коридорчиком и вышел на лестничную площадку четвертого этажа. Присел на корточки и заглянул вниз. Сквозь лестничный пролет было видно, что на первом этаже лестница перегорожена железной решеткой, за которой дремал вахтер. Дверь на улицу была приоткрыта, и на асфальте была видна тень стоящего у входа человека. Вверху лестница упиралась в чердак.

Валерий подумал, вернулся в коридорчик и прошел в туалет. Здесь Нестеренко прыгнул на подоконник и, раскрыв форточку, глянул вниз. Окно располагалось в глухом торце здания, выходившем во двор.

Напротив, метрах в трех, стоял другой такой же дом с пожарной лестницей, не доходившей метров трех до земли. Валера внимательно огляделся и убедился, что двор пуст, если не считать двух котов, распушивших хвосты.

Над летней Москвой висела ночь. Плыли в небе разноцветные квадратики окон, шипела картошка на сковородках, на тысячах голубых экранов один и тот же человек увлеченно клеймил антинародный режим Сталина – Ленина, оглушительно свистел на улице ветер, путаясь блудливыми пальцами в листве деревьев и хлопая крышками мусорных баков.

Валерий задумался. Штыри, на которых была закреплена лестница напротив, вылетели из пазов. Допрыгнуть-то он до нее допрыгнет, а вот сколько грохоту будет!

В это мгновение коты, выяснявшие отношения во дворе, перешли к активным боевым действиям. Серый кот дал пестрому по морде. Пестрый взвыл, пискнул и взлетел на крышу ночевавшего во дворе «жигуля», откуда и перемахнул на дерево. В тачке врубилась сигнализация – «жигуль» завыл и заухал, как кентервильское привидение.

Валерий примерился и прыгнул. Руки его чуть не выворотило из суставов, когда он, пролетев четыре метра, вцепился в перекладины лестницы, а сама лестница вздрогнула и захлопала плохо закрепленными железными ребрами. Валерий спустился по лестнице вниз, пробежал на соседнюю улицу, перемахнул через старый, выдавший еще двадцатилетие Октября бетонный забор и осторожно подкрался к подворотне, располагавшейся чуть наискосок от шакуровского офиса.

Двое громил дожидались его, стоя у подъезда с напряженными спинами. Оба были одеты как два близнеца-попугая, в синие с красными полосками адидасовские костюмы, скинутый по случаю жары верх обнажал заросшие волосами подмышки и яйцеобразные бугры мускулов.

Лысый сорокалетний мужик, тот, что заходил со своим патроном к Шакурову, настороженно оглядывался по сторонам. Другой, помоложе, в белых кроссовках и застиранной майке с надписью «Рибок», явно нервничал, почесывая бритую бошку могучей пятерней, сильно смахивающей на клешню автопогрузчика. Нестеренко определил для себя, что лысый – более опасный противник.

Третий, в однобортном костюме и в ботинках на толстой подошве – боевик назвал его Рыжим, – курил, облокотившись на капот машины. Теперь было понятно, отчего однобортный не начал драки в кабинете. Ему казалось, что трое на одного – это лучше, чем двое на одного. Вполне уважительная причина.

Улица была почти пуста. Только вдалеке, под желтым моргающим светофором, бежала домой какая-то припозднившаяся парочка, да водитель на пару с грузчиком остервенело швыряли в раскрытый люк мясного магазина нескладные, как оглобли, куски мороженого палтуса.

Валерий возник из противоположной подворотни и, неслышно подойдя к бандитам вплотную, громко осведомился: – Кого-то ждете, мальчики?

Боевики обернулись. Нога Валеры взметнулась вверх. Лысый поставил блок – и попался. Неожиданно пошедшая вниз ступня подсекла его под колено, и тут же кулак Валерия, пока лысый падал, въехал ему в ухо.

Лысый упал и вставать не стал, а Валера докрутил поворот до конца и, заметив, что второй, с бритой бошкой, стоит и тягостно моргает, – развернулся и хотел ударить ему пяткой в зубы.

Бритый поспешно отпрыгнул вбок и вперед, намереваясь избежать знакомства с пяткой Нестеренко. Столкновение обутой ноги с бритой бошкой закончилось безрезультатно – грязь с кроссовки Валерия едва мазнула бритого по губам.

Бандит прыгнул еще раз и выбросил вперед руку с явным намерением украсить рожу своего противника яркими хохломскими узорами. На полпути его рука повстречалась с рукой Валерия. Поступательное движение кулака громилы стало преобразовываться во вращательное движение его тела. Бритый взлетел в воздух, вошел в мертвую петлю и, сорвавшись в штопор, с прощальным криком врезался в угол между железной решеткой сквера и газоном.

Эlegantный Рыжий ожил и стал вынимать из кармана пушку. Вероятно, ему самому его движения казались очень быстрыми. Валерий прыгнул к нему, и в следующую секунду пистолет покатился по мостовой. Рыжий, с искаженным от боли лицом, согнувшись, схватился за свой ушибленный локоть. Локоть был немедленно схвачен и вывернут, и противник грохнулся копчиком о тротуар. Валерий наклонился к самому его лицу.

– Ты покойник, понял? – процедил Рыжий. – Ща я тебе покажу, какой я покойник, – невозмутимо сказал Валерий, заноса над Рыжим огромный кулак.

– А-а! – выдохнул бандит, когда костяшки железных пальцев врезали ему по почкам. И снова: – А-а!

– Запомни и передай старшему, – сказал Валерий, – если ты еще раз наедешь на Шакурова, я тебе яйца поотрываю! А от вашего «Топаз» оставляю дырку в помойке! Понял?

– Понял, – прохрипел Рыжий. Глаза его были полузакрыты и нехорошо вспыхивали. Из рта сочилась красная струйка, словно туда всунули раздавленный помидор.

Все закончилось настолько быстро, что грузчик и водитель фургона даже не успели врубиться в происходящее. Сейчас они стояли у грузовика, вылупив глаза, и водитель судорожно сжимал первое попавшееся под руку оборонительное оружие – гигантскую тушу замороженного палтуса. Мертвые глаза рыбыны поблескивали в свете дальних фонарей.

Валерий поднял отлетевшую во время драки пушку и направился к грузовичку. Лысый бандит раскрыл глаза и выбросил руку с явным намерением навредить Нестеренко. – Подъем еще не объявляли, – мягко сказал Валерий, и носок его стоптанной кроссовки въехал бандиту

в область печени. Тот закрыл глаза и перестал проявлять интерес к окружающей действительности.

– Дай-ка мне ключи, – сказал Нестеренко, поворачиваясь к водителю грузовика.

– Ты чего, Валерка? – спросил грузчик, косвенно знакомый с Нестеренко.

– Ничего, – ответил Валерий, – больно горячие мальчики. Остудиться им надо, – и, скалясь, ткнул пальцем в разверстый зад грузовика, поблескивавший мертвыми глазами замороженных палтусов.

В это мгновение послышалось пение тормозов. К офису Шакурова лихо подкатила ободранная «четверка», и из нее выскочили трое: Алик, Пашка и его двоюродный брат Сергей.

– Ого, – произнес Алик, обозревая панораму малой Бородинской битвы.

– А ну-ка, – сказал Валерий, тыча пальцем в своих поверженных противников, – давайте пофузим это вторсырье в грузовик.

Погрузка прошла быстро. Валерий кинул пушку рыжего в бардачок «Вольво», туда же бросил ключи и, с силой утопив защелку, хлопнул задней дверцей тачки.

– Серега, – сказал он, запрыгивая в кабину грузовика, – тачку мою отвезешь домой, а остальные – караулить Сашку, как государственную границу! Ясно?

– Ой, доиграешься ты, Сазан, – с сомнением сказал Алик, глядя на нарядный «Вольво».

Валерий ослабился, мотор грузовика чихнул, раз и другой – машина взвыла и исчезла в темноте.

Через полчаса грузовик Валерия, отфыркиваясь и пыхтя, подкатил к дому, чей номер был обозначен на визитной карточке предприятия «Топаз».

Это был плоский двенадцатипятиэтажный панельный дом, из тех, что поднимаются в районах новостроек, подобно зубьям гигантского гребня. Осенью верхушки их задевают грузные низколетящие облака, и тогда кажется, что дома эти выстроены с явным намерением поцарапать небо. «Топаз», судя по вывеске, располагался на первом этаже, на площадях, отведенных архитекторами под парикмахерскую или ремонт обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.